

ЕКАТЕРИНА ЛЕСИНА РАЙСКИЕ ПТИЦЫ ИЗ ПРОШЛОГО ВЕКА

Саломея Кейн и Илья Далматов

Екатерина Лесина

Райские птицы из прошлого века

«автор»

2012

Лесина Е.

Райские птицы из прошлого века / Е. Лесина — «автор»,
2012 — (Саломея Кейн и Илья Далматов)

ISBN 978-5-91657-228-6

Фантаст Роберт Говард в одном из своих рассказов описал таинственный дом, на крыше которого жило множество голубей. Но их видели лишь те, кто был обречен умереть. Эта мистическая история получила продолжение в наше время, и райские голуби продолжают убивать, совсем как в одноименной книге... Саломея Кейн, специалист-парапсихолог, охотится за призрачными птицами, ставшими причиной смерти более пяти человек. Ее приглашают в дом семьи Булгиных, туда, где самым непостижимым образом постоянно умирают люди. Все они перед гибелью слышали шум голубиных крыльев и птичий клекот. Интуиция подсказывает Саломее, что дело тут не в мистических птицах, а в безжалостном убийце. Именно он пытается воскресить старинную легенду при помощи артефакта, принадлежавшего известному писателю...

ISBN 978-5-91657-228-6

© Лесина Е., 2012

© автор, 2012

Содержание

Пролог	5
Действие первое:	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	44
Глава 10	47
Глава 11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Екатерина Лесина

Райские птицы из прошлого века

Пролог

Его разбудили лунный свет и голуби. Птицы были рядом. Топтались по чердаку, шелестели крылами, будто шелками, и рокотали.

Такие громкие. Такие наглые.

– Прогони их, – сказал кто-то очень близкий.

– Зачем? – спросил шепотом человек.

– Затем. Прогони.

Шелест невыносим. Давит на нервы, трет по ним воском, как по натянутым струнам скрипки. Лежать невозможно. И человек встает. А та, которая находится в его комнате – комнате, обесцвеченной лунным светом, черно-белой, как старые фотографии, – мурлычет колыбельную. И ее волшебный голос унимает боль, дарит облегчение и наслаждение.

Человек не знал, что песня может быть столь чудесной.

– Это ты? Ты вернулась?

Она уворачивается, не позволяя заглянуть в лицо, и просит:

– Прогони.

Надо согласиться. Быть может, если он прогонит голубей, она позволит посмотреть на себя, поговорить с собой. Ему давно следовало поговорить...

Она простит. Она добрая.

Человек выходит из комнаты в такой же черно-белый, лунный коридор, стены которого тянутся друг к другу. В прямоугольниках холстов бьются голуби. Их крылья хлопают, оглушая, а перья сыплются на ковер, но не долетают...

– Кыш! – говорит человек и бьет по ближайшей картине ладонью. – Кыш! Кыш!

Голуби не слышат. Они рвутся и стучат короткими клювами по ткани. Алые глаза – драгоценные камни. Ему нравятся камни, но не нравятся голубиные глаза.

– Я вас!

– Держи, – говорит она, вкладывая в ладонь гладкую рукоять топора. Широкий клинок черен, а рукоять – бела. И пальцы человека тоже белы, как будто из бумаги вырезаны.

Голуби смотрят на пальцы.

– Я вас! – он бьет по картине, врезаясь сквозь холст в стену. И картина падает с оглушительным грохотом, давит голубей, которые еще живы, но это ненадолго. – Я вас!

Ему нравится. Он счастлив.

Он прогонит всех-всех голубей! И белых, и сизых, и черных, словно обсыпанных угольной пылью. Он уже однажды прогнал их, но голуби хитрые и спрятались. Только теперь он тоже хитрый. Топор стучит по стенам, корежит рамы и выдирает цветастые клочья. А та, которая подсказала способ, шепчет:

– Еще!

Она прекрасна. И добра. Конечно же, она простит его!

– Сережа, что здесь... – Другая женщина выбегает в коридор и останавливается в ужасе. Она пятится, пятится... Голуби машут крыльями, перелетая с картин на белую ее рубашку. – Сережа...

– Тихо! – просит он и палец к губам прикладывает. У него бумажные пальцы, а на ее рубашке живут голуби. И сама она – почти птица. Только злая.

– Из-за нее все вышло, – поддакивает другая. – Ты не виноват. Ты любил меня. А она – убила.

– Сережа... – она вжалась в угол. За ее спиной – окно. На стекле мелькает отражение. Чье? Его? Какое страшное... он сошел с ума. Надо остановиться.

Топор...

– Нельзя останавливаться, – говорит другая, чье имя спрятано в стенах дома. – Нельзя! Ты же понимаешь? Ради нас с тобой... ты же обещал... ты обещал...

И она плачет. Ее слезы невыносимы.

– Прогони голубей. Пожалуйста.

На этот раз клинок топора вошел не с хрустом, а с влажным всхлипом. Брызнуло алым на руки, но лунный свет торопливо стер лишние краски.

– Бей!

Бил. Раз за разом. Выдергивал топор и снова опускал, рубя, кромсая беззаконную голубиную стаю.

– Хватит. Здесь их больше нет, – сказала та, которую он любил.

Бил? Любил? Похожие слова. Смешные. А на вкус горькие.

– Здесь...

Здесь нет? А где есть?

Внизу! Конечно, внизу. Сейчас. Он спустится и все-все сделает... только почему тихо? Нельзя, чтобы тихо. В тишине умирают голуби. Бедные птицы... но они сами не захотели улетать.

– Идет бычок, качается...

Качались доски под его ногами. Влево-вправо. Влево-вправо. Если бы не перила, он бы упал. Рука скользила по дереву, старому, занозистому, но ему было плевать на занозы.

– ...вздыхает на ходу...

На губах сладкое и соленое. На рубашке – мокрое, черное. Кровь голубиная? Отмоется. Все отмоется. И в новом доме его станет чисто.

– Вот досочка кончается...

Остановился. Отдышался.

Четыре белые колонны и фонтан. Вода журчит, а его жажда мучит.

– Потом, – пообещала та, которая спустилась следом. – Голуби. Ты обещал их прогнать.

Да, но...

– Ты обещал!

И он отворачивается от фонтана, закрываясь словами:

– Сейчас я упаду.

Голуби сидели на постели. Много-много голубей. Они думали, что уж здесь-то сидеть безопасно. Расправили крылья и хвосты, надули зобы, пугая, зарокотали, зашевелились.

– Пожалуйста... – взмолился он.

– Ты обещал, – его руку подняли, черканув ногтем по бумажным пальцам. – Ты обещал!

Топор опустился обухом. Хрустнули кости. Захлопали крылья, мешая мир в круговороте бело-черных перьев. Короткие птичьи когти царапали лицо, а клювы метили в глаза, вынуждая бить снова и снова...

Снова и снова.

Он очнулся утром, у фонтана, мокрый и растерянный. Он сразу вспомнил, что сделал, и закричал от ужаса. А где-то на крыше, довольные, курлыкали голуби.

Действие первое: Дом с голубями

Тевису Клайду Смиту, 26 августа 1925 года

Салям!

Я все время думаю. Что представляет собой действительность и что такое иллюзия? Никто не может утверждать, будто мы мыслим абстрактно, но совершаем конкретные действия, ибо в таком случае мы низводим сами себя до уровня машин, не способных думать. Когда в чьей-нибудь голове рождаются мысли, приобретают ли они сразу какую-то невидимую, неосознаваемую, но конкретную форму? И рождаются ли они вообще? Или они просто проникают в наш мозг снаружи? Быть может, человек – это не более чем сосуд для неоформившихся, но тем не менее реально существующих мыслей? Может, на самом деле мы вовсе не размышляем и не контролируем свои действия при помощи мыслей, а, наоборот, нас контролирует какая-то сила извне? Индусы, как тебе известно, считают, что ни одна вещь не имеет своего начала. Они утверждают, что мысли – это символы, свидетельствующие о прошлых жизнях, о космических скитаниях души, которые на некоторое время располагаются у нас в голове. Значит, мысли – это либо порождение нашего ума, либо вещество, появившееся ниоткуда, существующее вечно, либо проявления высшей, непостижимой силы извне? Что, если мы просто марионетки, пляшущие на нитях Судьбы?

Поставь перед собой этот вопрос и ответь на него честно: какую часть твоей жизни ты можешь назвать ясной и понятной, не затуманенной иллюзиями и сомнениями? Можешь ли ты с полным основанием утверждать «Это одно, а это другое; это правда, а это – ложь; вот конкретный факт, а вот просто игра воображения; это непонятно, а это – ясно?»

Если так, то существует ли что-нибудь невозможное? Я сильно сомневаюсь в этом. Возможно, тренировка ума – это всего лишь попытка подготовить его к влиянию извне; укрепляя свой разум, мы все более попадаем в ту или иную зависимость.

Подсознание имеет на нас гораздо большее влияние, чем мы можем себе представить. Оно полно загадок, обманчиво и туманно, но все же обладает невероятным могуществом.

Его контролирует наше сознание, но и оно, в свою очередь, находится под влиянием подсознания. Подсознание – это та часть разума, которую нельзя уничтожить, хранилище забытых мыслей и образов.

Возьми, к примеру, двух детей. Попытайся настроить их друг против друга.

Разумеется, они начинают драться, царапаясь и таская друг друга за волосы. Почему? Почему они не никогда не начнут честную драку кулаками? Разве один вид драки не менее естественен, чем другой?

Нет. Драка на кулаках – это изобретение человека. Наши древнейшие предшественники никогда не дрались кулаками. Подсознание приказывало им, и они повиновались.

В нас гораздо сильнее первобытные инстинкты. Самые яркие впечатления, надолго западающие в память, ребенок испытывает в раннем детстве. Впечатления, заложенные в нас еще с древнейших времен, сопутствуют нам всю жизнь.

Я участвую в боксерском поединке. Мой противник наносит удар правой рукой. Я парирую удар левой и наношу ответный удар правой. Почему же мои инстинкты не подсказали мне, как действовать более успешно? Более того, почему инстинкты не подсказали моему противнику нанести удар левой рукой, что, несомненно, более правильно? Искусство борьбы совершенствовалось гораздо раньше, чем бокс. В прошлой жизни я, должно быть, был спокойным, начитанным человеком. А теперешние великие борцы в своих прошлых жизнях, без всякого сомнения, были воинами.

В какое-нибудь другое время, находясь в ином теле, я тоже стану бойцом. И именно сейчас я закладываю основу для этого превращения. То, чего некоторые достигают благодаря подсознательным инстинктам, я добиваюсь упорным трудом и занятиями. Я механически делаю «нырок в сторону», защищаюсь, наношу удары, парирую их и веду бой; кто-то скажет, что это получается у меня инстинктивно, но это совсем не так. В этом случае действуют скорее мои тренированные мускулы, а не мой разум – они не могут действовать одновременно. Но приобретенные рефлексy, ставшие одним целым с разумом в этой жизни, просуществуют еще многие века. И, возможно, через тысячу лет я, облаченный совсем в другой наряд, услышу одобрительный гул толпы, выкрикивающей мое имя – имя нового чемпиона.

Напиши мне, как только у тебя будет время¹.

¹ Письмо Роберта Говарда Т.К. Смитy, пер. Т. Темкиной, 1998.

Глава 1

Дом для Саломеи

Год спустя

Дом Саломея увидела издали. Он стоял на пригорке, нарядный, как американский свадебный торт. Кремовые вензеля капителей, кофейная глазурь крыши, цукатные фигуры горгулий. Горгульям было неудобно. Куцые крылья их ловили последнее осеннее тепло, а кривые лапы держались за крышу. В каменных очах Саломея видела тоска по исторической родине.

– Держитесь, – сказала Саломея, отпирая дверь.

Из холла пахло сыростью и тленом, характерным для старых домов, пусть те и рядятся в новые штукатурки. Некоторое время Саломея стояла, щурилась, вглядываясь в полумрак холла, вдыхая запахи и пробуя звуки, но затем шагнула за порог.

– Здравствуй, – она постояла, прислушиваясь к эху. – Ты не против, если я поживу пару деньков?

Откуда-то из глубин дома донеслось отчетливое хлопанье крыльев.

Голуби?

Саломея втащила чемодан и поморщилась, когда колесики его черкнули по мраморному полу. На премерзкий звук дом откликнулся скрипами и голубиным же курлыканием.

– Будем жить дружно?

– Дружно... дружно... – Эхо катилось к лестнице и поднималось на второй этаж, исчезая в лабиринтах коридоров. Дом пробовал голос новой хозяйки – временной, сугубо временной! – и приглядывался к ней с интересом. Саломея тоже смотрела. Бросив чемодан рядом с дверью – куда он денется? – она прошла по холлу, задержалась у неработающего фонтана, окруженного четверкой колонн. Чаша изрядно утратила белизну, а на дне ее скопились комья пыли и каменная крошка. Длинная трещина разрезала чашу пополам, но не разваливала. Верно, половинки слишком привыкли друг к другу, чтобы расставаться. У подножия фонтана каменной крошки было больше, а в дыру, сделанную топором, проникал свет.

Странно... Зачем ломать фонтан? Впрочем, ответ на этот вопрос лежал в тонкой кожаной папке на дне чемодана и жил в стенах дома. Раны не заросли. На втором этаже их особенно много. Стены изрублены, кое-где в дырах торчит щепа и ошметки холстов...

Дом вздохнул и потерял оштукатуренной щекой о ладонь Саломеи.

– Я разберусь, – пообещала она, отряхивая побелку. – Обещаю.

Присев на искромсанный подоконник – здесь в побелку прочно въелись бурые пятна, – Саломея достала телефон.

– Привет, – сказала она, когда трубку подняли. – Это я. Хочу сказать, что уже на месте... что? Нет, пока ничего не скажу. Дом как дом. Ну, точнее, как дом, в котором произошло убийство... и не знаю, сколько мне времени понадобится. Каждый случай – индивидуален. Я же говорила. Но если хотите, то могу уйти...

Дом прислушивался к разговору.

Нежно ворковали голуби.

Пожалуй, отдельно следует сказать о Саломее Кейн.

Будучи девицей двадцати пяти лет, она отличалась той худобой сложения и типом фигуры, который более свойственен подросткам. Рыжие волосы Саломея стригла коротко и зачастую сама, обрезая пряди бритвой. В знак протеста волосы быстро отрастали и кучерявились. Столь же упорно сопротивлялись усилиям Саломеи веснушки. Они проявлялись в апреле, захватывали нос и щеки, чтобы к маю добраться до шеи и плеч, а к июню покрыть все тело, даже сбитые пятки с подковками сухой кожи.

Веснушки Саломея мазала кремами, травяными отварами и даже шептала над ними из бабкиной книги, но бесполезно. Правда, в октябре они сходили сами, оставляя лишь редкие рыжие пятна на лбу.

Все это, а особенно имя, заставляло людей незнакомых относиться к Саломее предвзято. Поначалу – особенно в нежные годы девичества – данное обстоятельство огорчало Саломею. Но шло время, и постепенно огорчение сменилось стойкой обидой на людской род, а особенно на некоторых его представителей, предпочитавших Саломее дев стандартной внешности.

– Зато я умная, – повторяла она себе папины слова, и старое зеркало – мамино наследство – соглашалось, что да, Саломея умная. А это уже много!

Впрочем, случались и у нее романы, которые матушка Саломеи именовала зимними, добавляя, что нечего забивать голову всякой чушью и тратиться на тех, кто Саломеи не достоин. А Саломея все надеялась... пока однажды, поддавшись надежде, не позволила увезти себя на Бали. Избранник был прекрасен, остров – тоже, но на третий день тропическое солнце разбудило веснушки, причем все и сразу. Саломея уснула белой, а проснулась рыжей. Любовь такого не перенесла, предопределив путь для бегства.

Самолет приземлился в Шереметьево тринадцатого декабря. И тогда же Саломея позвонила маме. А мама оказалась вне зоны доступа. Это было так странно, что Саломея забыла про разбитое сердце.

Она взяла первое попавшееся такси – таксист, испугавшись не то растерянности, не то рыже-пятнистого неестественного цвета кожи пассажирки, всю дорогу молчал – и успела к пепелищу.

От дома осталось черное жирное пятно с выплавленными краями и остатками стен. В пятне копались незнакомые люди в форме, и кто-то спросил:

– А вы потерпевшим кем будете?

Саломея не сразу сообразила, что потерпевшие – это мама, папа и бабушка. И потому спросила:

– Что случилось?

– Газ взорвался. Вы присядьте...

Она упала. И пришла в себя лишь в больнице, точнее, открыла глаза, а приходила по-настоящему долго, до самой весны, когда проклюнувшиеся веснушки потребовали жизни.

Саломея подчинилась.

И вот теперь те же веснушки отражались в круглом зеркале чужого дома. Лишь коснувшись их, Саломея поняла – не веснушки это, а засохшие капли крови.

Зато зеркало уцелело.

Саломея переходила из комнаты в комнату, вслушиваясь в сухой скрип паркетных досок, по которым давно никто не ходил. Трогала стены с влажноватым налетом не то еще пыли, не то уже плесени. Открыла и закрыла музыкальную шкатулку, забытую на старом трюмо.

Дом не разграбили?

Окна, пусть и прикрытые щитами ставен – Саломея снимала их, впуская свет внутрь, – слабая преграда от мародеров. Но цел паркет и золоченые ручки, и несчастная шкатулка, и вещи в шкафу... как будто хозяева вышли ненадолго.

– Жутко, да? – спросила Саломея, и дом ответил нежным голубиным воркованием. Она определенно слышала птиц, но где? Чердак, куда Саломея выбралась в первую очередь, был пуст и уныл. На нем хранились пара ящиков плитки, неиспользованные доски и старый мольберт, брошенный у окна.

Но никаких голубей...

– Это «ж-ж-ж-ж-ж» неспроста. – Саломея попробовала открыть окно, но створки заупрямились.

Гладкие рамы с узорчатой сеткой, которая не скрывает, но лишь подчеркивает витраж – белые лилии на синем пруду. Над прудом поднимаются ивы, их ветви вытянулись к воде, а стволы искривились. Если смотреть сбоку, то ивы похожи на женщин.

У мамы волосы были длинными...

Саломея дернула за ручку, и окно сдалось. Оно раскрылось сразу и вдруг, впуская теплый терпкий воздух, наполненный ароматами сада.

Пожалуй, спуститься вниз следовало бы.

За прошедший год сад успел одичать. Раскинула колючие петли малина, обняла кусты смородины и остановилась, наткнувшись на шеренгу диких роз. Поздние белые цветы привлекали пчел, а в ветвях старой сливы виднелась шишка осинового гнезда.

– Я вам! – погрозила Саломея осам, и те загудели, обсуждая угрозу.

Дорожки проросли травой, и желтые одуванчики поглядывали на гостью с недоверием и опаской. Саломея одуванчики обходила, и жимолость, растопырившую острые рожки ветвей, не тронула. Сорвала с крыжовника зеленую ягоду и, раздавив губами, выплюнула – кислятина. И смородина незрела, хотя ее-то срок давным-давно вышел. Но гроздь седоватых ягод гнули ветви к земле.

– Странно, – сказала Саломея, прислушиваясь к собственному голосу. Не то чтобы он так уж ей нравился, но тишина раздражала.

В тишине начинало казаться, будто за Саломеей следят.

Откуда?

Из дома. Окна, освобожденные от ставен, пили свет жадно, торопясь заполнить комнаты, вывести их из давнешней дремы. Вспугнутые тени прятались по углам, и оттого казалось, что там, в доме, кто-то есть.

Но быть там никого не могло.

Саломея остановилась в беседке, увитой плющом. Побег его пролезали меж прутьями стен и крыши, свисая голыми хлыстами отвратительного белого цвета. В царившем сумраке обитали жуки и дохлая мышь, которая совсем не воняла и казалась вполне естественным украшением беседки.

Саломея стряхнула с лавки гнилые прошлогодние листья и вытерла доски рукавом. Из беседки был виден угол дома, а еще здесь думалось.

Открыв папку, Саломея вытащила лист наугад.

– Ловись, рыбка большая, ловись, рыбка маленькая...

Рыбка попала в меру – ксерокопия газетной статьи с обрезанным верхним колонтитулом, потому разобрать, что это было за издание, возможным не представлялось. Но Саломею издание интересовало много меньше, чем содержимое статьи.

«Игры разума, или Трагедия в Доме с голубями».

Тяжело дыша, он пытался что-то произнести. Его невидящие глаза будто кого-то искали, а поднятая рука, неестественного бурого цвета, поднималась, пытаясь найти опору, и падала на пол.

– Таню, позовите Таню, – едва шевелил он посиневшими губами.

Сергей Булгин болел. Еще недавно полный жизни, 34-летний мужчина изменился до неузнаваемости. Его мучили кашель и рвота, слепота и глухота, а более всего – внезапное сумасшествие, проклятие его семьи.

– Таню, – опять и опять просил Булгин.

Но Татьяна была уже мертва.

Саратовская 18-летняя учительница Татьяна Лапина приехала в Кызин к родственникам. Заботливая тетушка предложила ей в качестве экскурсовода по городу сына своих добрых

знакомых, молодого, но уже состоявшегося бизнесмена Сергея Булгина. И первая их встреча предопределила судьбу. Но кто мог предположить, что финал этой любовной истории будет столь трагичен?

Пять лет они встречались, разделенные городами, но соединенные желанием быть вместе, пока наконец не состоялась свадьба. И родственники, и друзья были рады поздравить молодоженов, поскольку искренне верили, что этот брак заключен на небесах. Лучшим подтверждением тому стала Елизавета, появившаяся на свет спустя два года.

За это время Сергей Булгин успел расширить бизнес и стал сначала богатым, а затем и очень богатым человеком. По словам друзей, все, что он делал, он делал ради любимых женщин. И поместье графини Тишимирской, известное также как Дом с голубями, было куплено для Татьяны.

Она – реставратор и декоратор – восстановила старинное здание, оборудовав его под нужды современного человека. И семья Булгиных поселилась в поместье. А спустя три года в дежурном отделении полиции раздался звонок.

– Я убил их, – сказал мужчина. – Приезжайте, пожалуйста. Я убил их!

Наряд, отправившийся по вызову, был встречен человеком в мятой рубашке, которую украшали бурые пятна крови. В руке человек держал топор, который и протянул полиции.

– Вот, – Булгин не думал отпираться. – Возьмите. Я убил их этим.

После чего он упал на колени и заплакал.

Татьяну Булгину нашли на втором этаже, изуродованную до неузнаваемости. Обезумев, супруг наносил ей удары по голове и руками, разбивая их так же, как разбил картины, фарфоровые вазы и статуи в коридоре. Теперь же единственным украшением стен стали брызги крови.

Но смерть жены не остановила безумца. Движимый яростью, он спустился в детскую. Четырехлетняя Елизавета Булгина погибла в собственной постели.

Остается лишь догадываться, что стало причиной подобной трагедии, в которую не желают верить те, кто знал эту семью. Однако улики и добровольное признание, сделанное Булгиным, не оставляют сомнений в его виновности. На вопрос же следователя, зачем он сделал это, Булгин ответил:

– Она велела прогнать голубей.

Но сколь ни допытывались, Булгин не сумел объяснить, кем же была эта женщина, приказавшая избавиться от самых дорогих и любимых его людей. И уж вовсе не ясно, какое отношение к разыгравшейся трагедии имеют голуби, тем паче что во всем доме не нашлось ни одного изображения этой птицы.

Психиатрическая экспертиза внесла некоторую ясность: Булгин стал жертвой наследственного безумия, которым страдал и его отец. Василий Булгин окончил жизнь в психиатрической лечебнице. По-видимому, та же судьба ожидает и сына.

В этой трагедии нет виновных, и остается лишь выразить сочувствие...»

Лист Саломея положила по левую руку и придавила камушком. По правую легли следующие, с копией экспертного заключения.

Булгин нанес любимой супруге двадцать три удара, каждый из которых был смертелен. Подавляющее количество пришлось на голову и руки, судя по фотографиям, искромсанные в фарш. Она пыталась закрываться?

– Она пыталась закрываться, – повторила Саломея, почесав мизинцем переносицу. – Но у него топор... Откуда у него топор?

В заключении о топоре было мало. Марка. Размеры. Вес. Сорт стали. Соответствие лезвия нанесенным ранам. Пробы крови с клинка и рукояти.

Но как вообще топор попал к Булгину?

Сомнительно, чтобы любящий отец и муж ложился спать с топором.

И в другой комнате, иначе Татьяна погибла бы в постели.

– Следовательно, что? – Саломея прислушалась к себе. – Следовательно, не все так гладко было в их семействе... хотя, может, он храпел? Я вот ни за что не стала бы спать с мужчиной, который храпит.

Белесая ночная бабочка, прилипшая к столбу, дернула усиками.

– Нет, я понимаю, что у супругов разные спальни, но... вот!

Саломея нашла в бумагах план дома, подписанный заказчиком. Так и есть, Булгин и Булгина не просто спали в разных кроватях, но их комнаты находились в разных концах дома!

– И почему этого не заметили?

Бабочка, конечно, отвечать не стала. Бабочки, в принципе, молчаливые существа, но Саломее собеседник не нужен, ей бы мысли высказать, пока они в голове не законсервировались. Бабушка поговаривала, что ничего нет хуже консервированных мыслей.

О бабушке думать больно.

– А потому, – севшим голосом произнесла Саломея, – что никому не надо копать в совершенно ясном деле. Верно? Есть жертвы. Есть убийца. Есть улики и признание. Все ясно. К чему огород городить?

Фотографии из детской Саломея разглядывала пристально, борясь с тошнотой и отвращением. Фиксировала факты. Кроватка с балдахином. Розовые единороги и лиловые бабочки. Шкаф с игрушками и красное пятно на белой шкуре медведя. Еще пятно.

Много пятен.

И сухие строки экспертизы с перечислением фактов. Удара всего три. Два – обухом, третий – лезвием. Первый нанесенный раздробил височную и клиновидную кости, вогнав осколки в череп. Второй – разрушил свод черепа.

Саломея надеялась, что девочка умерла сразу.

– Это будет справедливо, правда?

Глава 2

Здравствуйте, мама!

Это будет справедливо, если дом достанется не кому-нибудь, а Марии Петровне. Она пострадала больше всех. Доченьку потеряла. Внученьку потеряла. А все из-за него... из-за этого...

Мысли смешались, и Мария Петровна повернулась к окну.

Проносились березы, мелькали вязы, и воробьи скакали по проводам.

Птичкам-то хорошо. Много ли им надо? Росы выпил, и порхай себе, не думай о том, как делишки-то уладить. Адвокат сказал, что ее позиция – верная, что причитается ей как прямой наследнице доля от совместно нажитого супругами Булгиными имущества. Это если по закону. Когда же по справедливости, то все должна получить Мария Петровна. Но разве этот ирод знает про справедливость? Молчал, тянул, отговаривал... и Мария Петровна слушалась. У нее ж сердце мягкое, надеялась, что по-хорошему выйдет вопросец решить. Ан нет, не вышло.

– Мама, вы как, нормально? – Васятка глянул вполглаза.

Хороший он, круглолицый, простой... даром, что голь перекаatnya. Но Томка, как попугаина дурная, долбит: люблю и люблю... ну и любила бы себе. Налюбилась и разошлись бы, как люди делают. А потом, глядишь, и нормального человечка нашла бы, такого, чтоб перед соседями не стыдно.

За Сережку-то не стыдно... Сережка-то хоть мамой и не величал, зато с уваженьем всегда, то цветы принесет, то торт. А на Новый год – еще когда не женатые с Танькой были – сережки золотые подарил.

Жалко его...

А Ваську – так и вовсе нет. Позарился на чужое, и Томка-дурында поддалась. Залетела. И поспешила – мамочка, выручай. Конечно, неохота ей с младенчиком в Васькиной общаге жить. И отправить бы ее, напомнить, что замуж летела без материнского благословения, да тогда, когда бы траур блюсть надо, но нет... слабо сердце. И нервы, нервы вконец измотаны.

Томка сидит столбом, обеими руками за живот держится, хотя не видать еще ничегошеньки. А может, не поздно бы подговорить... Но грех же, грех такой, Господи... не отмолишь.

– Направо сворачивай, – велела Мария Петровна зятю и вцепилась в сиденье. Машину повело влево, затрясло, задержало.

– Держись, Томуля, скоро приедем.

Чего ей держаться? Не растрясет, не принцесса. Это у Марии Петровны сердце ломит, это ей волнения противопоказаны, а уж тряска – тем паче. Все Сережка виноват... дорогу, дескать, сохранить надобно в первозданном виде. Ему-то ладно, его машина и по этим камешкам не ехала – лебедушкой плыла. А Васькина таратайка того и гляди развалится.

– Ма-а-ам, – протянула Томка, вечно она говорит, словно ноет. – А нам точно можно?

– Можно, – уверенно заявила Мария Петровна.

Это правильно. Это по справедливости. И по закону, если уж есть те, кто справедливости не понимает.

Мария Петровна была женщиной пробивного характера. Немало поспособствовали уроки хитроватого беззубого деда, которому вопреки телесной немощи удавалось держать в узде и загульного сына, и громогласную невестку, и семерых детей. В выводке Савониных Машка была младшей. Она выросла, донашивая за сестрами, доедая за братьями, постепенно исполняясь уверенности, что дома жизни не будет. В положенный срок получив паспорт, Машка не пошла замуж, хотя все-то было сговорено, а села на автобус до райцентра. Оттуда же добралась в областной, где благополучно и затерялась.

В городе она освоилась быстро. Устроившись на предприятие по производству строительных и отделочных машин, Машка Савонина получила общежитие, а затем и карьеру сделала, поднявшись от уборщицы до официантки заводской столовой. Эта должность ее устроила неплохой зарплатой и возможностью получения нетрудовых доходов в натуральном виде. Машка выносила котлеты, крупяные каши, куски хлеба и батона. Порой получалось разжиться фаршем или мясными костями, крупами или маслом. На полтора кило сахара и масляную голову, которую Машка слепила из невостребованных и списанных кубиков, получилось выменять старенькую швейную машинку. Шила Машка хорошо, хоть и на глаз, переделывая заприемченные наряды сообразно собственному разумению и фантазии. Обычно последняя заканчивалась на шейном банте либо же обильных рюшах. И так уж вышло, что именно благодаря рюшам Машка нашла свое личное счастье.

– Девушка, – сказал ей как-то очкастый инженер из новеньких. – Зачем вам столько оборок? В этом платье вы похожи на пеструю курицу!

Прочие, кто сидел за столом, рассмеялись.

– А ты... ты... глиста в костюме! – Машка бахнула поднос, не заботясь, что борщ разольется, и поспешно удалилась. Душу жгла обида. Вот так... ни за что ни про что взять и обозвать курицей!

И платье-то хорошее, с фантазией. Пять пуговок по лифу, воротник – бантом, рукава – фонариками. В плечах ватные подкладочки подшиты. А юбка и вовсе каскадом, на семь воланов.

Часу не прошло, как Машку начальство вызвало, стало за грубости отчитывать, хотя разве ж Машка виноватая? Ее первую обозвали... но, глянув в усталые начальниковы глаза, Машка припомнила дедовы уроки. Чего перечить? По-иному надо, ласкою, хитростью.

– Извините, Герман Аркадьевич, – сказала она, глядя в пол. – Вспылила. Не подумала. Больше – ни в жисть!

И начальство, готовое встретить отпор, успокоилось.

– Правильно, Савонина, что ты ошибки свои осознаешь, а не как другие. У товарища прощения попроси.

Пришлось просить, хотя Машке это прощение чисто костью в горле было. Но инженер вдруг сам засмутился, покраснелся и стал лепетать, дескать, не имел он намерений Машку обидеть, а только пошутить хотел. И чтоб, значит, вину загладить, он Машку в кино приглашает.

Машка подумала и согласилась.

Свадьбу играли в той же заводской столовой. Платье Машка шила сама, и никто не посмел сказать, что оборок на нем многовато. Пусть и многовато, зато живота почти не видать.

Из общежития Машка переехала в двухкомнатную квартиру, даром что в самом центре города, но крохотную, запущенную. Комнату Машка заняла большую, а свекровь безропотно переселилась в меньшую, где прежде обитал Германушка Лапин. Так же спокойно, без ссор и кухонных боев, отдала свекровь и домашнее хозяйство, с каковым явно не справлялась.

Не сказать, чтобы Машка свекровь не любила, скорее уж не понимала это ее вечное устремление в незримые выси, пользы от которых ни малейшей. Что смыслу собирать книги? Читать их, тратя последние глаза? И ладно бы хорошего чего писали, полезного, советы там, как дом вести, рецепты и выкройки, так нет же – мысли непонятные, тяжелые, как слипшиеся макароны. А с другой стороны, свекруха, книжками увлекшаяся, не лезла в Машкину жизнь с советами и наставленьями. Иным-то только волю дай, Машка бы, конечно, не дала, но всяко лучше, если дома тишь да мир.

А на февральские метели родилась Танька. Узнав про девочку, Машка было расстроилась, но потом, поглядев на супруга, который претензий жене предъявлять не торопился, успокоилась. Да и то, была Танька младенчиком тихим, порядок знала, росла здоровой, а если и болела, то только разок, когда сама Машка с дурости маринованных огурчиков навернула.

Годика через два, когда Таньку в ясли сдали, Машка и вторым забеременела. Удачно вышло – аккурат как квартирки в новом доме, который завод для своих выстроил – перед самым-то, почитай, развалом Союза – делить стали. С двумя младенцами выходило, что Лапыным полагается двушка. А Машка подсутилась, сходила к директору, поплакалась на тяжкую женскую долю, занесла, конечно, в газетке подношение, и выделили им целые трехкомнатные хоромины. Ввиду особых, так сказать, обстоятельств.

Роды пришли уже на самый ремонт, и волновалась, потому как доверять мероприятие, для которого и обои сговорены, и линолеум польский, и сантехника хорошая, румынская, куплена, свекрухе и Герману было никак нельзя. Пускай они люди хорошие, но беспомощные...

Вот и вышло, что из роддома Машка выписывалась на третий день, без дитяти, которое появилось на свет слабым, немощным и потому требовало врачебного присмотра. Ну и пускай. Зато с ремонтом все сладилось. Машка ходила по комнатам настоящей госпожой. Трогала швы на обоях, ковыряла плитку – крепко ли держится – шурилась, потолок разглядывая.

Свекруху, оставшуюся на старой квартирке, она искренне жалела. Из жалости поначалу ездила дважды в неделю порядки наводить да обеды готовить. Та-то, конечно, отказывалась, дескать, не надо... а как не надо, когда свои люди-то?

Ну а потом Томка болеть стала. Ох и наплакалась с нею Машка! А все почему? Потому как называли девку по свекрухе – Герман желал приятность матушке сделать. Ну Машка не стала против говорить, хотя не по вкусу ей было имечко. А надо было, надо было спорить! Пошла девка в рост и через день – то сопли, то кашель, то температура, то понос... а кричит-то, кричит. Заходится прямо! И на секундочку от люльки не отойдешь. Машка уж и бабушку приглашала заговор читать, и сама волосики резала, жгла. И булавки в косяки втыкала, чтоб наговор завистнический снять. Да без толку.

А с такой орущей как хозяйство держать? Работу работать? Вот и приходилось жить на Германову зарплатку. Как ни странно, выручила свекровь. Сама приехала и попросила:

– Давай я за нею пригляжу. Все равно целыми днями свободна.

Машка-то поначалу опасалась: как-то не по-людски на старуху дитё отдавать. А потом подумала, поглядела и отдала. Так и росли девки: Танька при материном досмотре, а Томка – у свекрухи. Потом-то Машка забрать дочку хотела, да свекруха не дала. И Герман мамочку поддержал. Дескать, девочке там хорошо, да и мама не одна. Может, оно и так, но вот характер Томке поломали. Росла, росла и выросла ни рыба ни мясо. Нет у нее ни Танькиной хватки, ни материной житейской хитрецы. Одни книжки в голове, а что толку с них никакого, небось книжки денег не заработают. Вот и приходится Машке, а теперь уже Марии Петровне, вновь за семью радеть, положение спасать.

И осознание собственной нужности наполняло ее душу теплом.

Дом устроился на горе, воткнув острый флюгерок в небо. Дом-то, конечно, был богатым, но все равно не нравился Марии Петровне. Чужло сердце материнское беду... уж сколько она отговаривала Сережку, сколько отговаривала. Дескать, чего на развалины тратиться? Деньжищи же сумасшедшие! За такие два, а то и три дома построишь, да не на глухой окраине, а в приличном районе, по соседству с людьми известными. Уж как Мария Петровна Таньку пихала – мол, скажи хоть ты своему дураку – а он уперся обоими рогами. История... Вот и что с той истории? Ладно, если хоть за половину цены продать выйдет. А знающий человек, к которому Мария Петровна обращалась, и вовсе четвертью пугал.

– Мама, – вывел из размышлений Васькин бас. – А мы тут чего, не одни?

За воротами, заползши передними колесами на газон, стояла чужая машина. И не абы какая – неповоротливый джип отвратительного грязно-розового цвета.

При виде его сердце Марии Петровны нехорошо екнуло. Случайные люди тут не появляются. Неужто ирод, который уговаривал погодить, сам клиента на дом искал? А что, продал

бы и все, конец и перспективам, и деньгам. Значит, не просто так сюда приехать выпало – Бог привел!

И Мария Петровна перекрестилась.

– Паркуйся, Васенька, – велела она, расправляя алые обшлага пиджака. – Посмотрим, кто тут... в гости приехал.

Хозяйка джипа обнаружилась в саду. Девушка самого что ни на есть лядащего вида. Волосы рыжие, торчат пухом одуванчиковым. Челка на левый глаз падает, правый же, кошачье-зеленого цвету, смотрит не то с презрением, не то с насмешкой. Кожа у девушки какая-то буро-крапчатая, как у копченой курицы.

– Здравствуйте, – сказала девушка, сгребая бумаги в папку. – А вы кто будете?

– Это вы кто будете?! – отозвалась Мария Петровна, сразу переходя на высокие тона. – Я-то – законная хозяйка. А ты на частной территории сидишь!

– Сижу.

Девушка потерла переносицу и нахмурилась. Рыжие бровки терялись на буром лице, отчего это лицо выглядело вовсе безбровым.

– Я полицию вызову! – пригрозила Мария Петровна.

– А вы уверены, что вы хозяйка?

– Что?

– У меня просто другие данные имеются, – миролюбиво произнесла девушка. – Этот дом не ваш.

– Что?!

– И вам придется его покинуть. Пожалуйста.

Вот тут Мария Петровна поняла, что придется скандалить. А скандалила она обычно с душой и немалым умением. Она надвигалась на дерзкого всем телом, а особенно – грудью пятого размера. Теперь грудь возлежала на объемистом животе, а руки обрели некоторую пухлость и перетяжки, вроде младенческих, и только пальцы сохранили взрослый вид благодаря маникюру и перстням.

Пальцы эти впились меж складками плоти, подзадоривая Марию Петровну.

– Покинуть?! Кому ты это говоришь? Мне?!

– Мама! – взвизгнула Томка, хватаясь за локоть.

– Отстань, дура! Сама не можешь за себя постоять, так отойди! Мама знает, что делает. Где бы она была без мамы-то? Телушка безответная!

И эта, рыжая, небось не лучше. Мария Петровна надвигалась на нее неторопливо. Массивные тела ее текли, как если бы под кожей не было ни костей, ни мышц, но лишь жир, расплавленный праведной яростью.

– Ты сюда приходишь и говоришь...

– Рекомендую.

Девушка не пятилась. Она стояла твердо, прижав к груди кожаную папочку. Непослушная челка съехала набок, и вот уже на Марию Петровну смотрели два зеленых кошачьих глаза. И нагло смотрели же.

– Да что ж это делается, люди добрые? Всякая шалава мне указывать будет? На моей же земле? В моем же доме? Где ж эта видано... страх потеряла?

Мария Петровна, охнув, схватилась за сердце.

– Томка! Томка! Валокордину неси! Васька! Корвалолу! Да я тебя... я тебя... чтоб ноги твоей не было! Немедленно!

– Саломея, – сказала девка, протянув узенькую ладошку с обгрызенными ногтями. – Саломея Кейн.

Даже имя у нее нелюдское.

– Вон! Васька, выкинь ее!

Но ирод не шелохнулся. Сереженька бы враз кинулся делать, как сказано. Сереженька Марию Петровну уважал. А этот лоб стоит, мнется... нашла Томка мужика по себе, бесхребетного, безропотного.

– Не советую, – Саломея поскребла нос, точно силясь отмыть его от веснушек. – Я по поручению Бойцова Олега Владимировича. Если это имя вам о чем-то говорит.

Ох, говорит... ирод обманул. Обманул! И не удивлена Мария Петровна. Она ж предупреждала Сереженьку – не верь ты этому человечку. Мало ли, что он там говорит, небось врёт все. А раз врёт раз, то соврет и два.

Вот оно и вышло...

– Если не верите – позвоните.

Она и телефончик протянула, квадратный, тяжелый и неудобный даже с виду.

– У него правов нет имуществом распоряжаться! – отступить Мария Петровна не собиралась. Во-первых, не привыкла, во-вторых, чуяла за собой правоту вышнюю, ну а в-третьих, Томка носом хлюпала, готовилась зареветь.

Вот уж дал Господь доченьку. Все-то у нее через слезы. Хоть бы раз по-иному попробовала!

– Мы – не уедем! Васька, неси вещи в дом.

– Зачем?

– Жить станем! – Мария Петровна почувствовала в себе небывалый прилив сил. – И если Олечке чегой-то не по вкусу, то пускай приезжает. Разберемся. По-родственному.

Глава 3

Братья и голуби

В его тетрадах обитали голуби. Птицы сидели, летели, клевали друг друга, разрывали на части. Вьюжили перья, свиваясь спиралью. Она брала начало в трубе дома, нарисованного просто, по-детски. Массивный квадрат с окном и треугольник-крыша. Чем-то она напоминает треуголку на нелепой угловатой голове. Дом одноглаз, но Олег не может отделаться от ощущения, что дом смотрит.

– Наверное, я сделал глупость, – Олег перевернул страницу. – Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь... надо позвонить и отменить.

Не позвонит, не отменит. Странное состояние между верой и неверием.

И девчонка смешная. Рыжая, взъерошенная и вся в веснушках. Она пришла на встречу в рубашке с коротким рукавом, из рукава торчали руки-палочки с кругляшами ладоней. Сами ладошки белые, а пальцы – коричневые. И предплечья. И плечи. И шея. И наверное, вся она от макушки до пят.

Пожалуй, девчонка неплохо вписалась бы в этот рисунок.

Она и вписалась. Стояла на следующей странице рядом с домом, высокая, выше крыши. Руки раскрыла, сияясь солнцем обнять, но солнце спряталось за очередной голубиной стаей.

– Кто это? – спросил Олег, поворачивая блокнот к брату. Тот не шелохнулся. Он сидел, сгорбившись, спрятав руки под мышки, и сквозь больничный халат явно проступал костистый позвоночник.

Врач говорит, что Серегу кормить приходится силой. Наверное, оттого у него лицо вытянутое с вечными синяками на скулах.

– Ты не скажешь, кто это? Но хотя бы посмотри.

Смотрел Серега исключительно на собственные тапки. Надо новые привезти. Каждый месяц Олег привозит и тапки, и халат, и мягкие пижамы, предварительно вытягивая из штанов веревку-завязку.

И каждый раз все это пропадает.

Наверное, следовало бы поинтересоваться, а то и жалобу написать. Но кому станет легче от жалобы? Сереге вот все равно, что на нем надето. Был бы альбом и восковые мелки. Зеленый – для травы. Синий – для дома. Желтый для солнца, коричневый – для женщины, которая его хочет обнять. И красный – для всех голубей сразу.

– Я трижды туда ездил. И на ночь оставался. Если бы оно было... ну как ты говорил... оно выползло бы ночью? Я глаз не сомкнул. Лежал. Слушал. И ничего!

Серега дернул головой.

– А тут ее посоветовали. Я посмеялся. Ну это же хрень полная. Я – взрослый нормальный мужик и дурью маюсь. Охотники за привидениями...

...специалист по запределью. Так она сама себя представила и добавила, что в мире есть много всякого, странного. И что странное – еще не значит невозможное.

Олег, уже заготовивший конверт с компенсацией за потраченное время, передумал и остался.

– У нее глаза зеленые, как у кошки. Линзы, наверное. Таких ярких не бывает. И Танька твоя линзы носила. Если честно, она мне не нравилась. Красивая – это да. Но стервучая... я боялся, что она тебя подставит.

Серега заерзал в углу. Сжатые кулаки его столкнулись и уперлись друг в друга. Они шевелились, хотя руки Серегины сохраняли неподвижность, и лишь локти слегка подергивались.

– Ну прости! Я не хотел! Я за тебя боялся...

К тому, что у него нет отца, Олег привык довольно быстро. Мать его, женщина деловитая, не стала сочинять сказок о разведчиках и капитанах, но объяснила, что отец Олега – человек семейный и что семью свою разрушать не станет, но об Олеге заботится. Отец присылает деньги, на которые Олегу покупают разные вещи, и не следует требовать большего.

– А он когда-нибудь придет? – спросил Олег.

– Когда-нибудь – обязательно.

Мама всегда держала слово, и на шестой день рождения в квартире появился высокий человек. Олег помнил запах духов и дождя, влажную шероховатость пальто и огромную шляпу, которая упала на голову, скрыв свет.

– Папочка! – Олег обнял отца, загадав, чтобы тот не уходил.

– Олег, ты ведешь себя несдержанно, – сделала замечание мама. Она вовсе не выглядела радостной, но и не сердилась. Олег точно знал, что, когда мама сердится, у нее вокруг губ белеет.

– Да ладно, Нинуль, – отец снял с Олега шляпу, подхватил и подбросил к потолку. – Вырос? Кем хочешь стать?

– Экономистом. Как мама.

Мама скупно улыбнулась.

– А может, лучше космонавтом? Или футболистом? – Отец не спешил опускать Олега и, держа на весу, разглядывал его с интересом. И Олег разглядывал широкое отцовское лицо, к которому, словно толстая лохматая веревка, приклеились усы.

– Не-а.

– Надо говорить – «нет». Владимир, пожалуйста,пусти его. Подобное положение вредно для позвоночника.

Отец поставил Олега на пол и снова спросил:

– Учишься хорошо?

– Конечно, он учится хорошо, – ответила мама. – Я слежу за этим. Я – хорошая мать.

Вокруг губ у нее белело. Олег испугался, что сейчас мама рассердится и прогонит отца насовсем.

– Нинуль, я ничуть не сомневаюсь, что ты – превосходная мать. Ты – самый ответственный человек из тех, кого я знаю, – он не стал уходить, но снял пальто и, протянув Олегу, попросил: – Повесь, пожалуйста.

Пальто было не столько тяжелым, сколько объемным. Олег боялся помять, вымазать, порвать... сделать хоть что-либо, что причинит вред серой колючей ткани, от которой пахло уже не дождем – человеком. Забравшись на табуретку, Олег пристроил пальто на крючок поверх маминого, расправил полы и, вцепившись в квадратную пуговицу, загадал, чтобы отец остался.

Насовсем! Ведь может такое быть?

Нитки хрустнули, и пуговица осталась в руках Олега. Он испугался до того, что не придумал ничего лучше, кроме как сунуть пуговицу в карман. А в кармане лежал бумажник, кожаный прямоугольник с металлическими уголками. Они сами царапнули пальцы, просясь в руки.

Олег поддался.

Он не станет красть. Красть – плохо. Воров сажают в тюрьму. Он – не вор. Просто посмотрит и все...

Денег внутри лежало много, но не как у мамы. Мама всегда раскладывала купюры по номиналу, а здесь они были перемешаны и смяты. Кроме денег, в бумажнике была фотография круглой светловолосой женщины. Олег разглядывал ее внимательно, пытаясь понять, чем же она лучше мамы.

Ничем.

– Олечка! Ты где там застрял? – отцовский голос парализовал.

Отец сейчас придет! Увидит! Подумает, что Олег – вор, и вызовет милицию. Олега посадят в тюрьму. Но страшна не тюрьма, а стыд. Негнущимися пальцами Олег закрыл бумажник и затолкал его в карман.

Остаток вечера он нервничал, думая лишь о том, как отец станет собираться и обнаружит пуговицу, полезет за ней в карман и поймет, что в карман уже лазили...

В полдевятого мама сказала:

– Ему пора спать. Спасибо, что заглянул. Мы будем рады видеть тебя снова.

Олег ей почему-то не поверил.

– Не злись, Нинуль, – сказал отец, поднимаясь. – Злоба разрушает.

– Своей жене советуй! – Мама никогда не кричала, а тут крикнула, и голос ее был сухим, трескучим, как удар молнии в безоблачном небе. – Олег, спать!

– Бывай, – отец пожал Олегу руку. – Еще встретимся?

– Да, – Олегу хотелось поскорей спрятаться в своей комнате. Но отца пришлось провожать. Тот пуговицу увидел и пожал плечами, дескать, ерунда какая. А сунув руку в карман, вытащил монету.

– Держи. Это китайская, с дырочкой. Видишь?

– Он не увлекается нумизматикой.

Олег не знал, что такое нумизматика, но монету взял, а когда отец подмигнул, то подмигнул ему в ответ. Теперь у них появилась общая тайна. Засыпал он счастливый, сжимая монету в руке. А на следующий день нашел для нее веревочку, чтобы на шее носить. Странно, но мама совсем за это не ругалась.

Отец заезжал дважды в год. Привозил подарки Олегу, иногда – маме, но та отказывалась, а отец не настаивал.

– Нельзя навязываться женщине, – обмолвился он как-то. – А еще нельзя ей потакать. Запомни, герой. Еще не передумал экономистом становиться?

– Нет.

– Молодец. У человека должна быть цель.

– А у тебя есть?

– Не умничай, – отец щелкнул Олега по носу и ушел, чтобы больше не вернуться. О смерти его Олегу рассказала мама, сделав это в привычной, сухой манере. Белый ореол вокруг губ выдавал высшую степень раздражения, которое прорвалось, когда Олег спросил:

– Когда похороны?

– Для нас – никогда! Или ты думаешь, что нас хотят там видеть? Что про нас вообще знают? А узнав, обрадуются? Олег, ты уже взрослый.

Ему шестнадцать, и, наверное, мама права, но не пойти на похороны – предательство.

– Наши отношения с твоим отцом – случайность. Роман командировочных, который изначально обречен. Я не планировала забеременеть. Более того, я серьезно думала о том, чтобы сделать аборт.

И тогда Олега не было бы. Хорошо это? Плохо? Тот, кого не существует, не способен ощущать боль.

– Я рада, что не сделала. Ты хороший сын.

– Спасибо.

– И я надеюсь, что я была достойной матерью. Что же касается твоего отца, то он исполнил свой долг так, как сумел и счит нужным. Я не настаивала на материальной помощи, как и не требовала его развода. Наше решение сохранить тайну было обоюдным. И теперь я хочу, чтобы ты это решение поддержал.

Она повернулась к окну. У нее есть красивая фотография, где она вот точно так же сидит у окна в четверть оборота. Высокий свитер под горло. Рукава длинные, до середины пальцев. И сигарета на мундштуке логична в данной экспозиции.

– Ты сейчас думаешь, что твой долг – почтить память отца. Но, появившись там, ты эту память уничтожишь. Представь, что испытают его жена и сын, узнав о второй семье? Да и сама ситуация с его смертью... щекотливая очень. Не добавляй им боли.

Да плевать Олегу на ту женщину с мягким ртом и светлыми волосами. Это она виновата, держала отца, не позволяла ему приходиться чаще. И тут Олег осознал другое: у этой женщины есть сын.

У этой женщины и отца.

– Сядь, – попросила мама, закуривая. Она сжимала мундштук губами, а дым выпускала из носа, и когда-то эта ее привычка, единственная нелепая из всех прочих привычек, казалась Олегу смешной.

Теперь он вдруг понял, что плачет.

– Да, у тебя есть брат. Его зовут Сергей. Он на полгода старше.

– Помнишь, когда я пришел к тебе? Зима была. Караулил под офисом, как пацан. А уже и не пацан совсем, только все равно стремно было. И ты велел убираться. Тогда я подумал, что мама права, на хрен такое родство? А ты через неделю сам меня нашел и потребовал кровь на анализ сдать.

Сергей схватил со стола лист бумаги и красный карандаш. Лист он прижал к стене, а карандашом принялся выстукивать по белой поверхности, оставляя красные точки.

– Или как мы этого чертового анализа ждали. А дождались, и ты первым делом сказал, что я на наследство все равно не могу рассчитывать. Я ответил, что мне и не надо. Своего хватает. Или вот как на кладбище ездили. Ты сказал, что я на него похож. А мне так наоборот казалось...

Красные точки рождали красные линии, а те пересекались, перевивались, плодя голубиное воинство.

– Танька меня сразу невзлюбила. А я – ее. Но я не хотел, чтобы так получилось.

Голубей становилось все больше и больше.

– Я бы не поверил. Я и сейчас, наверное, не верю. Поэтому и нанял девчонку. Специалист по запределью. Я же все равно не знаю, что делать.

– Туда, – Сергей выронил карандаш. – Тебе туда.

– Куда?

– Туда. Дом с голубями. Иди. Она простила меня! Моя голубка меня простила.

– Кто?

– Она сказала, что простила. Вот.

Сергей протянул ладонь, на которой лежала таблетка. Обыкновенная таблетка в желто-синей оболочке.

– Дала... мне... теперь мы вместе будем.

Сергей быстро сунул таблетку в рот и разжевал.

– Только голубей не слушай. Голубей прогнать надо. Надо прогнать... всех-всех... голубей... всех... кроме нее.

Судорога прошла по лицу Сергея, губы разжались, выплюнув ком черной крови.

– Эй! Кто-нибудь!

Кнопку Олег не нажал – вбил в стену и кричал, пытаясь удержать бьющееся в агонии тело. Брата выворачивало кровью. Спазмы сделали мышцы деревянными, и кости трещали от напряжения.

Появившиеся санитары оттолкнули Олега, навалились, прижимая Сергея к полу.

Кричали.

Кололи.

Иглы гнулись. Санитары матерились. Врач оттеснил всех и, склонившись над телом, прощупал пульс.

– Все.

Позже, в кабинете на третьем этаже, Олег сидел в кожаном кресле и смотрел в окно. Он думал, что окно слишком большое для этой комнатухи, а панорама – скучна. Что надо бы замыть пятна на пиджаке и выпить коньяку, любезно предложенного главврачом. Он думал о тысяче мелочей, но сквозь покров притворного равнодушия пробивалось одно – Сергей умер.

– ...сильнодействующий препарат... – главврач зудел, как старый комар. – ...вскрытие будет проведено... токсикологический анализ... выясним... расследование...

Почему-то Олег понимал лишь отдельные словосочетания. В ушах, как в старой телефонной трубке, трещало.

– Кто к нему приходил? – спросил Олег и понюхал коньяк. Пить или не пить?

– Вы.

Интересно, главврач думает, что Сергея отравил брат? Думает, но помалкивает, зная, чем чреваты обвинения, не подкрепленные доказательствами.

– А еще?

– Только вы.

Ну же, доктор, озвучьте все, что думаете, в частной беседе. Частная беседа чревата лишь подпорченными отношениями.

– Он... он сказал, что его навещала женщина.

– Какая? – доктор подался вперед и руки вытянул, точно желая вцепиться в Олега.

– Он не сказал. Просто, что «приходила она». А потом показал таблетку. Пилюлю. Такие, знаете, которые из двух половинок. А внутри порошок. Половина желтая, половина синяя.

– И что было потом?

– Он ее разжевал и... почти сразу.

Олег глотнул, хотя во рту было сухо и язык царапал небо.

– Мы обязательно разберемся...

Глава 4

Наследник

Кирочка до самого последнего момента не была уверена, стоит ли ей ехать. Но Галя говорила и была права – Кирочке надо думать не о себе, а о сыне.

– Потерпи, милый, – сказала Кирочка, целуя сына в светлую макушку. – Скоро будем на месте.

Алешенька кивнул. В отца пошел, молчаливый, серьезный. И челюсть так же вперед выпячивает, и пальцами щелкает. Это щелканье прежде Кирочку жуть как раздражало.

И теперь раздражает.

И жутко... жутко-жутко. Хорошо, Галька рядом сидит и семечки щелкает. У нее их полные карманы. Галька выгребает жменю, высыпает на майку и начинает лущить. И так быстро у нее выходит, что прямо загляденье. Шелуху она в руке держит, а потом в другой карман сыпает. Вот и получается, что, когда выезжали, левый комом оттопыривался, а как подъехали – правый напух.

Кофта у Гальки красная, яркая, облегающая, и карман торчит на ней, как щека с флюсом. Некрасиво. Но Гальке по фиг.

– Идти куда? – Она с легкостью закинула на плечо спортивную сумку с вещами.

– Туда, – Кирочка неуверенно показала на дорогу.

Признаться, в доме она бывала всего-то пару раз и сейчас испытывала некоторые сомнения в том, что направление выбрано правильно. Но Галька отродясь сомнений не знала, вот и вышагивала широко, размашисто, придерживая сумку рукой. Алешенька увязался за нею. Ну и Кирочке ничего другого не осталось. Ее чемодан подпрыгивал на выбоинах, норовя завалиться то влево, то вправо, выкручивал руки, застревал, в общем, пакостил, подбивая вернуться.

Ради Алешеньки! Он – законный наследник! И Кирочка как мать должна отстоять его интересы. Но сделать это будет посложней, чем чемодан до дома доволочь.

– Может, такси возьмем? – предложила Кирочка, и Галька остановилась. Окинув окрестности орлиным взором, она сразу выбрала жертву.

– Стой тут, – велела Галька и ушла.

– Мам, – Алешенька впервые нарушил молчание. – А мы скоро приедем? Я в туалет хочу...

Пока туалет искали, пока грузили чемоданы, пока ели, запивая печенье теплым соком, Кирочка совершенно обессилела. И сердце опять затрепыхалось, заныло, не желая понимать, что не время сейчас. Рухнув на заднее сиденье, Кирочка обняла Алешеньку и закрыла глаза.

Все она делает правильно!

Кира Алферова всегда была правильной девочкой. В школе ее за это недолюбливали, в университете назначили старостой. Обязанности Кира исполняла так, как понимала – в полном соответствии с буквой инструкции, что приводило к конфликтам и недопониманию. Но странным образом всякая ссора лишь укрепляла убеждение Киры – она поступила верно.

На третьем курсе Кирочке объявили бойкот.

На четвертом – облили помоями.

На пятом Кирочка встретила с Сергеем Булгиным. И все, что случилось дальше, было совершенно, абсолютно неправильно.

Знакомство их состоялось обыкновенно – на улице. Сергей спросил дорогу, Кирочка, вдруг покраснев – а такого с нею отродясь не случалось, – объяснила. А после и оставила номер телефона. На первое свидание не шла – летела. В душе ее порхали бабочки, которые толкали на безумства.

– Ты хоть чего-нибудь, кроме имени, знаешь про него? – спросила мама, не слишком довольная внезапным романом. Госэкзамен на носу, а тут – роман.

– Знаю, – Кирочка зажмурилась от счастья. – Он самый замечательный человек в мире!

Их судьба была предопределена. Золотой нитью вплелась она в полотно мироздания, предвещая долгие годы совместного бытия, детей, дом и тихую старость. Они бы и умерли в один день...

Госэкзамены Кирочка сдала. И работу нашла с той легкостью, с которой все получается у людей слишком счастливых, чтобы замечать препятствия. А спустя полгода жизнь, исполняя Кирочкин план, поднесла подарок – беременность.

Конечно, Кирочка рассказала ему, ожидая, что вот сейчас он рассмеется, не веря в подобное, а потом поверит, обнимет, закружит и скажет:

– Будь моей женой.

Он не поверил и рассмеялся, а потом перестал смеяться и уточнил:

– Ты серьезно?

– Да.

Разве можно шутить с подобным? Кирочка накрыла ладонями живот, чувствуя тепло.

– Понимаешь... – Сергей не торопился обнимать. – Такое дело... я сейчас не могу на тебе жениться.

Он выглядел смущенным и расстроенным. Но Кирочка считала, что это – нормально. Не все мужчины сразу понимают, какая это радость – ребенок. И ей бы очень хотелось, чтобы Сергей понял, но Кирочка готова ждать.

– У меня есть врач... – Он растягивал слова и смотрел в окно, а не на Кирочку. – Он очень хороший. И сделает все быстро.

– Что сделает?

– Аборт.

Она лишь ресницами взмахнула, отгоняя неприятное слово, как отгоняла ненавистных ос. Но слово кружилось, требовало внимания, и Кирочка сдалась, переспросив:

– Аборт?

– Я понимаю, что ты ждала другого, но... ребенок – большая ответственность. Я еще не готов.

– К чему?

– К нему. К тебе. Ко всему этому!

Он не готов. Он хочет, чтобы Кирочка сделала аборт и убила ребеночка. Но это неправильно! Это... это страшно.

– Ты молода... у тебя все еще впереди! Подумай сама. Карьера только-только началась, ты на хорошем счету, но если уйдешь – ждать не станут.

Карьера? Офис? Трудодни от восьми до пяти. Часовой перерыв на обед, хотя в офисе привыкли звать обед ланчем, как будто это что-то меняло.

– Ты погрязнешь в быту, в пеленках, растратишь себя! – Сергей взял Кирочку за руку и крепко сжав пальцы. – Зачем тебе это?

– А ты?

– А что я? Я же тебе ясно сказал, что не готов!

– Но это же твой ребенок!

– Мой. Я не отказываюсь. И ни в чем тебя не обвиняю. Просто предупреждаю, что не готов тратить свою жизнь на это... быть может, потом.

В этот момент Кирочка поняла, что больше не любит Сергея. Но бабочки остались, привязавшись не то к Кирочке, не то к нерожденному существу.

– У нас все получится, – пообещала ему Кирочка.

И с тех пор делала все, чтобы сдержать слово.

Конечно же, мама Кирочкину самоотверженность не одобрила. Был скандал, точнее, он начался и длился, длился, как длится сезон дождей, чтобы в один далеко не прекрасный день превратиться в ультиматум.

– Или ты делаешь аборт, или живи как знаешь! – сказала мама, сдувая прядку, которая лезла в глаза и маму раздражала едва ли не больше, чем Кирочка. – Я не собираюсь становиться нянькой при твоём...

В тот же день Кирочка ушла, вернее, сбежала из дому...

И сейчас она снова бежала, но уже к дому, который мог бы стать ее домом. И тогда Сергей убил бы не Татьяну, которую Кирочке было почти и не жаль, а ее саму и Алешеньку.

Алешенька сидел тихо, грыз ноготь на большом пальце.

– Прекрати, – сказала Кирочка, заталкивая страхи в глубь души, как заталкивала грязное белье в корзину. И точно так же страхи не вмещались, корчили полотняные рожи и норовили вывалиться. – Веди себя хорошо. Помнишь, о чем мы говорили?

– Да, мама.

Такси остановилось у кружевных ворот. Кирочка помнила первый свой визит, который она откладывала, откладывала, а потом вдруг решила. Она не стала звонить, но взяла и приехала. И машина точно так же остановилась у ворот, высадила Кирочку и уехала поспешно, как будто водитель тоже чего-то боялся. А Кирочка на окостеневших ногах подошла к камере и нажала кнопку звонка.

Сергей не вышел – выбежал.

– Чего тебе надо? – прошипел он и смешно, торопливо, сунул Кирочке стопку купюр. Купюры были разные – и доллары, и евро, и рубли – видимо, Сергей выгреб все, что было в бумажнике. – Зачем ты сюда приехала?

– Я подумала, что...

– Идем, – он оглянулся и взял Кирочку под руку. – Тебе повезло, что Танюши нет.

Кирочка слышала, что Булгин женился, и даже поплакала по этому поводу, а потом решила, что если женился, то и фиг с ним. Сам виноват, променял Кирочку на какую-то стерву... и называл стерву ласково, Танюшей.

– Алешеньке скоро четыре... день рождения...

– И что?

Он тянул ее по дорожке, выложенной плиткой, мимо роз, рододендронов, гортензий и клематисов, мимо синих аконитов и ядовитой клещевины с нарядными багряными листьями, мимо кленов и вязов, кустов сирени и первых петель винограда, что лишь примерялись к стене.

– Если бы ты пришел...

– Зачем? – Сергей остановился около беседки. – Вот скажи, на что ты надеешься? Я люблю свою жену, тебе понятно?

– Да.

Они стояли рядом, но не вместе. Снова держались за руки, но не было в этом жесте и тени близости.

– Тогда чего ты от меня хочешь? Денег?

Наверное, если бы он спросил про Алешеньку, какой он, похож ли на него, здоров ли... любую мелочь, Кирочка не ответила бы:

– Да.

– Сколько? – деловито уточнил Сергей.

– Пятьсот, – Кирочка посмотрела на дом, громадина которого застила солнце. Пилястры, портики, горгульи. Белый мрамор. Витражи. Крыша в чешуе-черепице.

– Пятьсот долларов. В месяц.

– Хорошо, – сказал Сергей. – Но здесь ты больше не появляешься. Ясно?

Кирочка дала слово и держала его. Но сегодняшний случай – особый. Она и так ждала долго, мучась сомненьями, и отступила бы, когда б не Алешенька. Все, что делается – делается ради него.

Чтобы он, когда Кирочка умрет, не остался один.

И Кирочка решительно потянула чемодан к воротам. А навстречу вышла рыжая девушка и спросила:

– А вы тоже сюда, да?

Глава 5

Дом и люди

Людей прибывало, и дом, в отличие от Саломеи, радовался незваным гостям. Он тянулся, подбирая оборки лепнины, пряча пыль в потоках света и разукрашивая этот свет медовой акварелью витражей.

Но почему в доме с голубями нет голубей?

Саломея обходила комнату за комнатой, не стесняясь, разглядывала вещи, трогала, брала в руки, нюхала. От некоторых воняло плесенью, другие источали тонкий аромат сухих трав и древности, трети и вовсе не имели запахов.

Ревнивым цепным псом ходила по следу Мария Петровна, уставшая ругаться, но преисполненная опасений. Опасения она озвучивала, хотя дом глушил брезгливые ноты в ее голосе, делая его почти приятным. И Мария Петровна, злясь на дом и Саломею, боролась с обоими на свой манер. Вооружившись массивным блокнотом в кожаной обложке, она методично описывала содержимое каждой комнаты.

Ради интереса Саломея заглянула в записи.

«Люстра хр. – 1. Стул дерев. с роз. обив. – 4. Столик туалет. – 1...»

– Люстра – новодел, – пояснила Саломея, хотя ее, конечно, не спрашивали. – И не хрусталь это, а стразы от Сваровски. Столик – английский, конца девятнадцатого века, инкрустация сандаловым деревом. Очень ценная вещь.

Мария Петровна прищурилась и черкнула в блокноте:

– Специалистка, значит?

– Немного.

Папа говорил, что Саломея – сорока от наук. Хватает все блестящее, волочет, а вот системности знаниям не хватает. А мама посмеивалась, что системность – для зануд. И рыжие зануды – нонсенс.

– Скажите, а Сергей как с вашей дочерью познакомился? – Саломея опустила на пол возле козетки и заглянула под нее. В серой пыли, как в раковине, дремала розовая жемчужина. – Вот. Сережка.

– Танькина, – сказала Мария Петровна и руку протянула, требуя находку. – У нее цельный комплект был. Бусы, браслетка и сережки.

Розовая жемчужина потускнела и выглядела искусственной. Шарик из пластмассы с золотым ушком.

– Застежка сломана, – Саломея серьгу отдала. – Он был хорошим мужем?

– Уважительным.

– Вас сложно не уважать. Вы – женщина солидная... и Василий, вижу, вас держится.

Мария Петровна фыркнула и, убрав серьгу в карман багряного пиджака, поинтересовалась:

– А ты, значит, дом прикупить собираешься? И сколько дать хочешь? Учти, единственная законная наследница тут – я!

– Олег...

– Олег пусть не ездит по ушам. Нет у него правов имуществом распоряжаться! И у Кириного ублюдка тоже. Я узнавала.

– То есть вы были в курсе, что у него сын имеется?

Саломея приподняла ковер. Покрытие под ним было другое, темное, гладкое, как спина касатки.

– А то. Тварь она, – сказала Мария Петровна, присаживаясь на козетку. – Поживиться хотела. Охомутать. Он тогда с Танькой поругался... уж не помню чего, но крепко поругался.

Я ей говорила – гляди, разбрасываешься, на такого мужика враз охотница выищется. И что? Права оказалась. Окрутила Кирка. И забрюхателя. Старый трюк, старый...

Она провела по собственному набухшему животу, который пузырем возлежал на толстых бедрах, рвался из багряного пиджачного плена.

– Он ко мне пришел за советом. Я и сказала: не дури, Сереженька. Если Таньку любишь – то и скажи ей, как есть. А Кирка пусть к врачу ходит. Молодая еще...

Ковер скатывался огромной сигарой, а гладкая поверхность пола разбивалась на сегменты, не квадраты – шестигранники, сросшиеся друг с другом, как пчелиные соты. Сделанные из гранита ячейки были холодны, а еще Саломея не понимала – зачем они здесь? Дубовый паркет и темный камень, спрятанный под ковром.

Дом подсказывать не собирался.

– Молодым-то что? Скинула бы дитя и гуляй себе. Но нет, не мытьем, так катаньем. Родила своего ублюдка – и на порог. Дескать, сынок твой. Признай, а не то в суд подам. На алименты.

– А вы что?

– А я пришла и сказала, дескать, ты, милая, не забывайся. Родила для себя – вот и рости сама.

Саломея представила, как Мария Петровна медленно, неотвратно, как айсберг, надвигалась на крохотную Киру. И как та пятилась, не зная, что ответить. И чтобы не злиться, Саломея занялась полом. Она ставила ладони на камень, закрывала глаза и слушала. Дом молчал. Камень не отвечал ни теплом, ни холодом. Не спешил он проваливаться, открывая тайный ход, как не спешил поворачиваться или сдвигаться. Каждый шестигранник сидел в оправе из строительного раствора прочно, на века.

Вот только под пальцами прощупывались тончайшие линии, как если бы раньше на плитках рисунок был, а затем его стерли. А если и вправду был? Саломея закрыла глаза и, проводя мизинцем по линии, попыталась понять, что же было нарисовано. Крылья. Тело. Голубь? Те самые потерянные голуби из голубино дома? Почему нет? И Саломея вернула ковер, позволив дому спрятать тайное.

– Ну так сколько Олежка за дом запросил?

– Нисколько. Я не покупатель.

Ответ Марии Петровне не понравился, она поджала губы и поскребла ногтем подбородок, оставляя на напудренной коже следы.

– А... оценщица, значит. Учти, ты и мне списочек имущества дать должна! По закону!

– Дам, – пообещала Саломея, поднимаясь с колен. – Скажите, а почему вы приехали именно сейчас?

Дернулся подбородок, сжались веки, и поднялись брови – лицо Марии Петровны на миг превратилось в уродливую маску африканского божества – а губы расплылись в притворной улыбке.

– Сердцем почуяла, что не все так ладно... – соврала Мария Петровна и торопливо, чересчур даже торопливо, удалилась.

Тамара была в саду. Она сидела на лавочке, укрытой меж тремя розовыми кустами, и читала книгу. Появление Саломеи заставило ее книгу захлопнуть и спрятать.

– Мама ищет? – Лицо Тамары выглядит неправильным, словно слепленным из двух совершенно разных лиц. Первому принадлежат округлые глаза и губы-сердечко. Второму – высокие скулы и длинный с горбинкой нос. Волосы неопределенного мышастого цвета, стянутые резинкой, и вовсе выглядит как парик.

– Нет, не ищет. Я просто... гуляла, – соврала Саломея. – Сад был красивым.

– Здесь все было красивым. И будет, если в порядок привести.

– Ваша мама...

– Бывает резка. Извините. На самом деле она добрая.

Тамара зарозовелась и сделалась почти красивой.

– И злится она не на вас, а на Олега.

– Недолюбливает? – Саломея присела на лавку, и Тамара тотчас подвинулась.

– Мягко сказано. Совершенно друг друга не выносят. Она считает его самозванцем. Он ее – жадной стервой. Он сам так сказал! – поспешно добавила Тамара.

Она отвернулась и наклонилась к розам, словно бы вдыхая аромат, но на деле пряча лицо в желто-зеленом живом облаке.

Саломея подняла оброненную книгу. Говард. Рассказы. И закладка торчит. Подсматривать неудобно, но Саломее всегда было сложно справиться с любопытством.

– «Голуби из преисподней», – сказала Тамара. – Хороший рассказ. Я бы сказала, что подходящий.

– Извините.

– Ничего страшного. Я сама любопытная до жути, особенно книжек касается. Вы ведь здесь не просто так? Вы не похожи на человека, который собирается купить дом. А если все-таки собираетесь, то...

– То что?

– Лучше не стоит, – Тамара взяла книгу и спрятала за спину. – Мама думает, как лучше, но... этот дом, он странный.

– С голубями.

– Именно... вы ведь заметили, что здесь нет ни одного голубя. А раньше их было много... прежний владелец, настоящий владелец, очень увлекался голубями. Разводил. Думал особую породу вывести, чтобы и быстрые, и выносливые, и собой хороши. У него почти получилось. Насколько я знаю, но... любите страшные истории?

– Рассказывайте.

– Давным-давно жили-были две сестры. Близняшки. Они очень сильно любили друг друга, наверное, потому, что были похожи и каждая видела в другой – себя. А больше им любить было некого, потому что и отец, и братья девушек чурались. И прислуга, барину потакающая, невзлюбила. Шептались, будто бы нагуляла барыня девочек от цыгана приبلудного, повесила на шею мужу и померла. Находились такие, которые говорили, будто бы не без чужой помощи она померла, а...

Тамара закашлялась и похлопала себя по груди.

– Извините, я немного простывшая. Так вот, шло время. И сестры росли-росли, а потом выросли. Заневестились. И отец нашел им женихов, да таких, от которых только на край света и сбежать. Одна сестрица и сбежала, себя не помня. Вторая же осталась, волю отцовскую приняла. Простила ему все.

Голос Тамары упал до шепота, который звучал жутко, и даже шмели притихли, не смея оборвать страшную историю.

– Жила она замужем недолго, а как помер супруг, так и вернулась в поместье. А тут война. И потом революция. Далеко, но близко. И однажды явились в дом люди в кожанках, да не сами – привели их. Вот так и встретились наново родственники, только не было в той встрече радости.

Она выдохнула и снова закашлялась, хватаясь обеими руками за горло.

– Нет-нет... все в порядке... Садись. Дорасскажу.

Лицо Тамары стало бледно, а губы и вовсе обрели лиловый оттенок.

– Первым делом голубятню разрушили. Птиц били так, что лишь перо летело. А как подождли, то и кинули в огонь и барина, и сына его. Радовалась сестрица, что отомстила и за матушку, и за себя. А вторая все молилась и молилась. Прощения у Господа выпрашивала.

– Но история на том не закончилась?

– Нет, конечно. Это было бы слишком просто для легенды, – Тамара улыбнулась. Десны у нее были синюшными, как и зубы. – В любой приличной легенде невинно убиенные убийцам мстят. Вот и голуби вернулись к законным хозяевам. Курлыкали, упрекали. Спрашивали: за что барина обидели? За что нас погубили? И гоняла сестрица старшая голубей криками, выстрелами, а младшая – только плакала. В доме же ГПУ обосновалось, а что, места много, хватит всем. И подвалы хорошие, глубокие. Говорят, что если знать секрет, то до самой реки подземными ходами дойти можно. Врут, наверное.

– Наверное, – согласилась Саломея.

– Пытали здесь многих. И расстреливали. Но чем больше крови лилось, тем легче было голубям возвращаться. Вот уже и днем, и ночью не стихало воркование. А по вечерам так и вовсе стая кружила над пепелищем голубятни, да на крышу дома садилась. И старшая сестрица бежала на чердак, чтобы прогнать проклятых птиц. На чердаке ее и нашли повесившейся. Люди-то поговаривали, будто видели, как в тот день вылетали голуби сквозь крышу к самому солнышку. А с крыльев их кровавый дождь на землю летел. И не выдержала земля. Вспыхнула пожаром, который все имение сожрал... кроме дома.

– Занятная история.

– Мне ее Сергей рассказал, – Тамара прижала книгу к животу. – Он из-за нее загорелся дом купить. Чтобы настоящий, древний и с привидениями. Да и дома тут не было. Фундамент и стены только. Мама ругалась. И Танька тоже. Обычно он делал, как Танька хотела, а тут... судьба, наверное.

Сказала она без грусти и слез в глазах, как говорят о факте свершившемся, который эмоции переменить не в силах, а потому не следует на них тратить.

Саломее тоже хотелось бы не тратить на эмоции, но не выходило. Часто снилось пожарище или старая ель с обожженными лапами, снег истоптанный и чужие лица. Люди. Тоска. Двор в оконной раме, как будто картина с неизменным сюжетом. И рыжие веснушки, пропадавшие на зиму.

Тогда Саломея лишалась сил.

Но на дворе стоял август, гудели пчелы, одичавшая роза сыпала лепестками на траву.

– Скажите, – спросила она. – А со второй сестрой что случилось?

– Ну... не знаю. Одни говорят, будто она тоже самоубилась. Другие – что это старшая младшую повесила, когда поняла, что ее саму скоро к стенке поставят, и поспешила все подстроить. А сама с награбленным за границу ушла. Есть и третьи, которые думают что второй вовсе никогда не было.

– А Булгин во что верил?

– В деньги.

И Тамара открыла книгу. Она вдруг разом потеряла всякий интерес к происходящему, и Саломее не осталось ничего, кроме как уйти.

Глава 6

Кое-что о сестрах

Тамару называли в честь бабушки по отцовской линии.

– Тамарой будет. Царицей! – сказал Герман, и матушка его согласилась. Она, уже постаревшая, сумела-таки сохранить осанку и девичью стройность фигуры. Седые волосы Тамара Игоревна зачесывала гладко, скручивая куколь и закрепляя его рожками заколок.

Девочке она заплетала косу, повязывая огромные пышные банты, хотя если бы кто спросил Марию Петровну, она бы сказала, что банты – сущее барство. Тем паче кому такую красоту показывать? Томка часто и подолгу болела, росла диковатой и особого, упрямого норову. Когда что-то было не по ней, Томка не кричала, как делала Танька, но замолкала, поджимала губы и смотрела на мать круглыми коровьими глазами. От взглядов этих Марии Петровне становилось жутко, и, жуть скрывая, она кидалась в крик, а когда и лупила. Потом жалела, гладила, целовала... свое же, родное, хоть бы какое.

Читать Томка выучилась рано, еще до школы. Считала бегло, а к третьему классу с легкостью перемножала в уме двухзначные цифры. Но во всем остальном оставалась прежней – диковатой, необщительной. Держась наособицу, она будто бы наблюдала за людьми, не делая различий меж ними.

– Люди – разные, – говорила ей бабушка, заплетая очередную косу. – Но хотят одного.

– Чего?

– Быть счастливыми. У всех есть желания. Маленькие и большие. И всякий раз, когда желание появляется, человек себе говорит: вот если у меня будет... то я обязательно стану.

– А он не станет?

Бабушкины пальцы разнимали прядки аккуратно, не дергая и не вытягивая до боли, как это случалось с мамой.

– Нет. За первым желанием появится другое. Потом третье. И так до бесконечности. Остается краткий миг радости между желаниями. Его-то и путают со счастьем. Счастье же – понятие безусловное.

– Это как?

– Это так, что ты или счастлив, или нет. И никакие «если» тебе не нужны.

Ленту выбрали синюю, с тонкой серебряной нитью по краю.

– И нельзя сделать другого счастливым? – Тома сидела смирно и спину держала, ей хотелось радовать бабушку.

– Можно исполнить желание. И тогда человек сделает для тебя все.

– Все-все?

– Совершенно верно.

Этот разговор, как и прочие секретные разговоры, прочно засел в Томкиной голове. Теперь она глядела на людей сквозь призму их желаний, порой угадывая, порой – нет. Проще всего было с Танькой. Ее желания обретались на страницах глянцевых журналов, которые Танька крадала из библиотеки, а потом, вырезав нужные страницы, подкидывала. Они жили и в маминой косметичке, в шкафу, кутаясь в искусственные шелка платьев и шарфов. Они читались в глазах и Танькином отражении.

– Ты такая красивая! – сказала как-то Томка, пробуя догадку на вкус.

– Ага!

– А я вот нет... – Томка вздохнула, а по Танькиному лицу скользнула улыбка.

– Ну что ты! Вот подрастешь... хочешь шарфик примерить? Его вот бантом можно, а лучше просто обернуть, чтоб свободно был. Вот так... И еще волосы надо зачесать. Косички – это для маленьких. А мы завьем... на бигуди... или вот лучше...

Танька с радостью завивала, заплетала, переплетала, выпрямляла. Делала волной или каскадом, выкладывая крупные, ломкие кудри и прихватывая цементным лаком. Тома терпела.

– У тебя лицо сложное, – сказала она, сдаваясь. И оглянулась на зеркало. Собственное Танькино лицо было совершенно в той мере, чтобы всецело удовлетворять Танькиным желаниям.

Нет, Танька не хотела быть самой красивой, она хотела быть самой-самой.

У нее получалось.

Мисс класса. Мисс школы. Золотая медаль. Первое место на городской олимпиаде по географии. Первое место на областной олимпиаде... первое...

Грамоты за вторые места Татьяна выбрасывала, а Томочка всякий раз уговаривала не делать этого, потому что она, Томочка, совсем не такая умная, как Танька, и ей даже второго места не занять...

На самом деле она давно и прочно заняла второе место и в семье, и в Танькиной жизни, а после и сама поверила, что это место создано для Тамары. Быть в тени удобно, хотя порой утомительно.

Но всегда – безопасно.

Разбудили Тамару голуби.

Ах, как нежно они ворковали. Они уговаривали, ласкали, кланялись, распахивая веера крыльев. Сизые перья вдруг расцветали нежной зеленью, переливчивой лазурью и драгоценным розовым перламутром. Птицы были живыми, но будто разрисованными всеми цветами акварели.

Уж не закат ли тому виной?

Тамара заснула? Точно заснула. Она лежала на лавке, под колючим одеялом шиповника. Медвяный аромат его баюкал, пели колыбельную сверчки, и только голуби звали проснуться.

– Ах, ах, ах... – вздыхала голубка, кокетливо отворачиваясь.

– Да, да, да... – повторял голубь, подходя к ней. Он выставлял то одну, то другую ногу в перьевом венчике, поворачивался боком и хвостом, раздувал зоб, становясь огромным.

– Ты, ты, ты... – подпевал паре голубиный хор.

Птицы сидели на крыше, далеко, но в то же время близко, белыми мазками выделяясь на ночном убранстве дома.

– Кыш, – нерешительно сказала Тамара.

Почему ее не искали? Ни мама, ни Василий, никто... наверное, Тома слишком долго жила в тени, вот тенью и стала. Обидно. Танькино отсутствие сразу заметили бы.

– Да, да, – выдохнул голубь и замер, уставившись на Тамару круглым красным глазом.

– Я тебя не боюсь, – Тома опустила руку, коснулась холодной влажной травы. Книга лежала ничком, впитывая страницами сырость и давленную зелень, набухая, готовясь заплакать черными типографскими слезами. – Я тебя не боюсь.

– Ух! – фыркнула голубка, расправляя крылья. Она взлетела с места, оглушительно хлопая, и хлопанье это подняло стаю, потянуло в дымно-красные небеса, в которых расплавлялся солнечный диск. Голуби – черные точки, грязь на небе, всполошенные голоса и рвущиеся перья, которые сыпались на землю, в полете становясь дождем.

Горячие капли его проббили одежду и волосы, потекли по шее и забрались в лифчик.

Томочка, забыв про книгу, кинулась к дому. Она бежала и бежала, но дом становился все дальше. Он точно отползал, кружил на месте, подсовывая грязные дорожки, ягодные кусты и деревянные арки с плющом. В ушах звенело, и сквозь звон проникало лишь хлопанье голубиных крыльев.

– Беги, беги! Лети! К нам! К нам!

– Отпустите! – взвизгнула Тамара, поскользываясь на траве. Она упала на куст жимолости, и острые веточки пропоролы блузку, впились в тело, словно желая насадить Тамару на вертел. – Отпустите!

Она отбивалась от ветвей, но куст цеплялся, втягивал в себя.

– Отпустите!

– Тома! – Васькин голос снял наваждение. – Томка, ты где?

– Здесь!

Она села в куст, сжалась, обняв колени, и так сидела, больше не отзываясь на крик. Но Васька все равно нашел. Он хороший, и зря мама его не любит. Мама думает, что главное, чтобы человек богатым был, а Васька вовсе не богат, но он понимает Тамару.

– Ты чего? Ты чего, Томуль? – Он вытащил ее из куста – чем не пасть зеленого дракона, которым теперь представлялся сад. – Тебе плохо?

– Нет.

Она обняла мужа за шею, прижалась, радуясь, что он рядом, такой большой, теплый и надежный.

– Почему ты меня не искал?

– Я искал. Ты в саду была. Спала. И я подумал, что тебе хорошо бы поспать. Ну... на воздухе. Там солнца не было! Зато тепло. Я будить тебя шел.

Он не бросил и не потерял. Он пришел за ней в сад и увидел, что Тамара спит. Подумал, наверное, что лучше ей спать на воздухе, потому как дома – мама. А маме всегда что-то нужно.

– А тут дождь. Промокла?

Дождь уже закончился, и небо догорело, сделавшись темным, как древесный уголь.

– Ты... ты видел голубей?

Ни пера, ни пуха, ни крыльев, ни тем паче курлыканья.

– Тут только одна голубка, – Васька поцеловал Тамару в нос. – Мокрая и замерзшая. Пошли тебя греть.

– Пошли.

Ей приснилось? Конечно. Бывают же сны, которые на пороге яви. Она рассказывала про голубей этой рыжей девушке, которую зачем-то нанял Олег, а зачем – не понятно. И еще читала потом. Наверное, плохая это мысль – читать страшные истории перед сном.

– Там этот... ну который брат его... приехал, – сказал Василий. Он нес Тамару на руках и не пыхтел, не жаловался, но шел легко, хотя весу в Тамарочке – шестьдесят пять кило.

Мама говорит, что Тамара ест как не в себя...

– Олег?

– Он. Нормальный мужик вроде.

Только мама его ненавидит. И теперь о покое в доме можно забыть.

– Что мама? – Тамара покрепче прижалась к мужу.

Плевать на всех, главное – Василий. Ради него Тамара на все пойдет. И он ради нее тоже.

– Кричала. Потом опять кричала. И опять кричала. За сердце схватилась и умирать стала.

А эта, которая с Кирой, велела не притворяться.

Бедная мама.

– Ну она и пошла к себе.

– Вась, – сказала Тамара, когда муж остановился. Дом не смел убежать от него и выбросил длинный трап мраморной лестницы. – Давай уедем отсюда?

Лестница уходила вверх, в дубовые двери, за которыми начинался театр чужих людей. Бабушка правильно говорила, что родство еще не гарантирует близости.

– А как же деньги?

– Ну... не знаю. Я боюсь! Я не хочу здесь быть! Я все время думаю про Таньку... мы на кости приехали, на чужую смерть, как... падальщики! И собираемся грызню устроить! Противно.

Кому-нибудь другому Тамара в жизни не решилась бы изложить эти свои мысли, трусоватые и запутанные, как заячий след. Но Васька – не другой. Васька ее понимает. И сейчас он вздохнул, аккуратно поставил ее на ноги и сказал:

– Не дури, Тамар. Я понимаю. И противно, и страшно. Если бы только про нас разговор был – завтра же уехали бы. Но... – он положил ладонь на живот, и Тамара услышала, как бьется его сердце, оно там, в груди, но и тут, близкое, надежное. – Но ребенку нужен нормальный дом. Посмотри на меня.

Она посмотрела. Она готова была смотреть на него вечность, хотя не смогла бы объяснить, почему Васька кажется ей таким особенным. Он некрасивый и простоватый, но другой Тамаре не нужен.

– Все будет хорошо. Я обещаю.

Тевису Клайду Смитту,

28 августа 1925 года

Салям!

Я снова думал над этим вопросом. Ты когда-нибудь задумывался о том, что, возможно, мы окружены вещами, которые выходят далеко за пределы нашего сознания?

Мы знаем, что существуют звуки, которых мы не слышим; они либо слишком высокие, либо слишком низкие по сравнению с обычными шумами. Есть крошечные существа, которых мы не можем разглядеть невооруженным взглядом. Но раз встречаются вещи, которые мы не можем распознать по той причине, что они либо слишком высоки или слишком низки, слишком малы или слишком велики, слишком тихи или слишком громки, то почему не может быть таких, которые мы не можем распознать из-за того, что не можем ощутить их – они невидимы и неслышимы для наших чувств. Наши чувства обманчивы. Мы не можем посмотреть на предмет и утверждать, что мы видим его таким, какой он есть на самом деле, или услышать звуки музыки или какой-либо другой звук и быть уверенными в том, что мы улавливаем его подлинный тембр. В действительности это удается нам крайне редко.

Существуют ли мысли настолько высокие, настолько величественные, что они недоступны нашему уму? Если бы ощущения человека находились в гармонии со Вселенной, он был бы ее властелином.

Но перед нами возникает главное препятствие – наше тело. Мое тело кажется мне просто досадной помехой; оно напоминает мне нелепую повозку, в которую впряжены кони желания – душа. Я чувствую, что без тела я мог бы оттолкнуться от земли и подняться к тем недостижимым, темно-синим вершинам исполнения желаний и разгадки тайн, но из-за неуклюжего и совершенно бесполезного тела я могу поймать лишь краткие мгновения счастья в скучных и однообразных просторах нашей земной действительности. Хотя у моего мерзкого тела может быть и какое-то свое предназначение. Возможно, абстрактное желание должно принять конкретные очертания, прежде чем будет сделан шаг к исполнению желаний и познанию истины.

В моей душе, если таковая у меня имеется, борются идеалист и материалист. Чем больше я узнаю, тем меньше я знаю; чем лучше мне удается формулировать собственные мысли, тем меньше мне хочется это делать. В любой вещи наличествует масса правдивого и ложного. Иногда мне кажется, что все вокруг – порождение какой-то чудовищной шутки, и достижения человека, и его знания, приобретаемые им постепенно, ценой невероятных усилий на протяжении веков, – это всего лишь колеблющаяся дымка над песками Времени, песками, которые однажды поглотят меня. Значит ли это, что мой облик изменится, что нынешняя

форма уступит место более легкой и прекрасной, или все сведется к тому, что пыль смешается с пылью? Я не могу дать ответа на этот вопрос.

Напиши, если будет время².

² Письмо Роберта Говарда Т.К. Смиты, пер. Т. Темкиной, 1998.

Глава 7

Полшага до крыши

Мария Петровна в Олеговой жизни появилась одновременно с Татьяной. Обе они – мать и дочь – с первых минут знакомства вызвали лишь глухую инстинктивную неприязнь, с которой Олег искренне боролся, впрочем, безо всякого успеха.

С годами неприязнь, пустившая глубокие корни в Олегову душу, окрепла, разрослась, обзавелась пышной кроной обид, и уже изготавилась дать плоды мести, когда случилось несчастье.

Почему-то сообщила о нем именно Мария Петровна. Сухой и ломкий голос ее донельзя напомнил голос матери, и Олегу стало стыдно, что он плохо думал о женщине. Он даже не понял, о чем она говорит. Какое убийство? Сергей убил? Сергей убил Татьяну и дочь?

Невозможно!

Олег не приехал – прилетел в чужой дом, наполненный чужими людьми. Он пробился сквозь оцепление репортеров, отмахнулся от назойливых камер и странных вопросов, преодолел рубеж ступеней и милиции, чтобы попасть в холл.

Мария Петровна сидела на кухонном табурете – откуда в этом доме ему взяться – и рыдала. Полные руки ее бессильно свисали, плечи горбились, а голова уткнулась в самую грудь. Хрипы и рыдания – волынка в неумелых руках – перебивали прочие звуки, которых в доме было великое множество.

Но стоило появиться Олегу, как Мария Петровна бросила рыдать.

– Он! – она вскочила и вытянула руки. Скрюченные пальцы полоснули воздух. – Это он виноват! Он на Танечку наговаривал! Арестуйте его! Арестуйте!

– Вы кем будете? – поинтересовался безликий мужчина в синем костюме.

– Кому? – ответил Олег, не поняв вопроса.

– Потерпевшей.

– Я... брат. Не ее. Сергея Булгина. Я – брат Сергея Булгина. Где он?

– Лжет! Лжет! Он наговаривал! Он виноват! Он во всем виноват.

– Где Сергей?

Щепа. Каменная крошка. Вода сочится из чаши, сползает по ножке – зачем Сереге фонтан? – и поит багряную лужу. Вода растекается по полу, покрывает его буровой вуалью.

– Задержан до выяснения обстоятельств.

– Убийца! – завизжала Мария Петровна и упала в обморок. А вторая ее дочь, которая стояла тихо, незаметно, полностью слившись с тенью, сказала:

– Вы извините маму. У нее шок.

– Что здесь произошло? – Олег спрашивал у этой теневой девочки с некрасивым лицом, но умными глазами.

– Сережа зарубил Таню. И Лизу... Насмерть, – зачем-то уточнила она. – Я думаю, что он просто сошел с ума.

Просто-сложно-путано. Эта девочка оказалась права, и правоту ее подтвердила экспертиза. Она же спасла Сергея от тюрьмы, отправив в психиатрическую лечебницу.

А потом Сергея убили, и Олегу пришлось вернуться в чертов дом, где прятались рисованные голуби, Мария Петровна и один вопрос, на который у Олега не было однозначного ответа.

Он очень надеялся на помощь рыжей девочки. И еще несколько не боялся голубей.

Комната Олега находилась под самым чердаком и была узкой, длинной. Ни дать ни взять – прямая кишка с дверью, выходившей на самую лестницу. Серые в крапину обои добавляли помещению унылости, простая мебель выстроилась вдоль стен, норовя цветом слиться с обо-

ями. Пропыленные занавески прятали грязное стекло, разрезанное рамой на равные сегменты. И лишь пол был яркого, нарядного цвета – темно-зеленого.

Олегу комната не нравилась, и он мог бы занять любую, но все равно пришел в эту, подаренную некогда со щедрой Татьяниной руки.

– В других пока ремонт, – сказала она. – А тут вид хороший.

– Спасибо.

Татьяна тогда вышла и дверью хлопнула, демонстрируя, где она видит и Олега, и благодарность его, и собственного упрямого супруга, который продолжал возиться с новоявленным родственником. Наверное, следовало уехать, но Олег открыл окно и, сев на подоконник, любовался видом.

Был апрель. Яблони цвели белым, розовым, душистым. Ветер срывал лепестки и кружил весенним венским вальсом, взбивал облака, легкие, как свежее эскимо. Вдали, стыдливо прикрывая линию горизонта, возвышался забор. Визжала пила. Гремели молотки. И солнце глядело лицо обещанием скорого лета.

В тот миг Олег простил Татьяне и раздражительность, и эту комнатку. Казалось – все еще наладится. Может, оттого и вернулся он сюда, за этой потерянной надеждой?

Олег бросил сумку на кровать и открыл окно. Рамы, разбухшие в осенних дождях, вымороженные зимой, иссушенные летом, потрескались. Стекло в них сидело опасно, грозя в любой миг вывалиться.

Пыль с подоконника Олег вытирал рукой, оставляя на коже и дереве одинаковые черные разводы. Пара дохлых мух слетела на пол.

Надо бы уборку заказать...

За окном разлегся августовский вечер. Он был черен и холоден, многоглаз крупными звездами. Серп луны – пасть. Догоревший закат – грива огненная. И редкие облака – седина. Вечер грозил скорой смертью и шелестел голубиными крыльями.

Голуби были рядом. Они ворковали, переговаривались, изредка замолкая, чтобы в следующий миг отозваться смешливым курлыканьем.

В доме нет голубей!

Сергей вот жаловался, что голуби спать мешают. Странно, что жаловался лишь на это. Не желал втягивать чужого в семейные дразги? Олег – не чужой. И не слепой. Все же видел. Все, кроме чертовых голубей.

Опершись руками на подоконник – с той стороны он пострадал сильнее, – Олег выплянул наружу. Темень-темень-темнота. Звезд маловато, а месяц скуп. Только и видать, что черные кляксы-деревья.

Никаких голубей!

Но они рядом. Много. Птичьи тела облепили карниз, жмутся друг к дружке, заботливо прикрывают крыльями. И курлычут, курлычут... до головной боли!

Олег лег на спину, зацепился ногами за подоконник, а руками уперся в раму, оттолкнулся, перевешиваясь на ту сторону. Он балансировал, пытаясь увидеть треклятых птиц, но видел лишь тени, которые могли быть голубями, а могли – тенями.

– Кыш! – крикнул он.

Тени закопошились. Заскрипели перья, зацокали по камню острые коготки.

– Кыш пошли! – Олег взмахнул рукой.

Курлыканье смехом, тихим, издевательским.

Надо еще немного вперед. Буквально на сантиметр... полсантиметра... на волос. Подоконник крепкий. Трещит? Любое дерево трещит. Выдержит как-нибудь.

– Кыш!

Олег махал руками, тени плясали, дразнились, но опасались подходить чересчур уж близко. В какой-то момент воцарилась тишина.

Что он творит? Разумный же человек, а ведет себя, как пацан. Возвращаться надо. Сухо шелкнул подоконник, покосился, грозя прокатить по каменной горке.

– Я идиот, – сказал Олег, очень осторожно выпрямляя руки. Пальцы коснулись дерева... соскользнули с дерева. И подоконник отполз еще немного. А доска, за которую Олег держался, треснула вдруг. Переломится?

– Я долбаный идиот.

Он выдохнул и вдохнул, боясь, что и этой малости хватит для падения.

Скрипнуло. Шелкнуло. Подоконник? Нет, дверь.

– Эй, кто там? Помогите, пожалуйста.

Помогут. Сейчас возьмут за ноги и втянут в комнату. Олег посмеется над собственной глупостью и скажет спасибо спасителю за своевременную помощь.

– Эй...

Камешки струйкой полетели вниз.

– Я сейчас упаду.

А если ему, тому, кто пришел, надо, чтобы Олег упал? Это же просто – подождать. Дом сделает грязную работу, и Мария Петровна получит долгожданный кус наследства. Она ли это? Зять, который выглядел слишком простоватым, чтобы быть таким на самом деле. Доченька, тихая обитательница тени?

Надеяться не на что.

Проклятье!

Человек приближался крадучись. Бойтся быть замеченным? Чего уж тут... если при падении Олег шею не свернет, то всегда добить можно. Камешком по голове тук – и все.

Жесткие пальцы вцепились в щиколотки и дернули, резко, отчаянно. Захрустел подоконник, заволновались голуби, взмыли опаленной алой стаей. Олег успел увидеть силуэты на фоне неба, красные, будто нарисованные восковым карандашом.

А потом понял, что жив и что сидит на подоконнике, впившись обеими руками в раму.

– И-извините, – сказала Кира, пятясь в тень. – Я... я хотела с вами поговорить... просто поговорить... п-про Алешеньку. И... и вот. Снялся.

Она протянула ботинок, держа его за шнурки. Олег соскочил на пол и ботинок взял. Он не представлял, что делать дальше. Поблагодарить? Ее?

– Я... я п-пойду, – она закрыла ладошкой рот, словно боялась сказать лишнего. Наверное, Кира думает, что Олег сумасшедший.

– Я не псих, – сказал он и сел на кровать. Матрац провалился, как если бы был наполнен гнильем. Похоже, спать на полу придется.

Открытое окно манило. Захлопнуть бы, но страшновато. Олег не маленький мальчик, чтобы бояться теней, просто ему надо отдышаться. Поговорить. Хоть бы и с Кирой, если уж она не ушла. Стоит, обнимает себя, защищается.

От кого? От Олега?

– Спасибо, – он указал на стул и велел: – Садись.

Села, коленки вместе, пятки вместе, носки врозь, а локти к телу прижаты. Белые ладошки выделяются на фоне черных брюк. Ладонки крохотные, пальчики тоненькие... как удержала-то?

– Я... я испугалась, что если скажу что-нибудь, то вы дернетесь и упадете.

Кира говорила, глядя в пол.

– Очень часто люди, думая, что все уже закончено, начинают вести себя неосторожно.

– Ну тогда еще раз спасибо.

Не очень-то ей верилось. Ей тоже выгодно избавиться от Олега. Меньше претендентов, больше доля. Но потом Кирочка решила, что не справится в одиночку с Марией Петровной, вот и оказала услугу. Получается, будто Олег теперь ей должен.

– Так чего там с Алешенькой?

Получилось слишком ехидно. Кира дернулась и покраснела.

– П-просто я п-подумала, что... в-ваш племянник... и... и вы бы могли...

Дать денег. Деньги-деньги-др-ребеденьги...

– П-поиграть с ним немного, – договорила она и сжалась.

– Во что поиграть? – Олег удивился, его никогда еще не просили играть с чужим ребенком. Он вообще с детьми играть не умеет. Тот единственный раз, когда ему доверили племянницу, закончился слезами и скандалом. Танька кричала, обвиняла, что Олег убить девочку хотел. А он же не знал, что у нее аллергия на крабов! То есть знал, но забыл. Замотался.

– В футбол. Или в волейбол. Или во что-нибудь... – Кира облизала губы. – Понимаете, он все время со мной или с Галей.

Ну и играли бы сами в свой футбол. Олег здесь каким боком?

– А это не слишком хорошо. Мальчик должен общаться и с мужчинами.

– Ну и заведи себе мужчину.

Честное слово, Олег не собирался говорить это вслух, просто вырвалось. А Кирочка вновь сменила цвет – с красно-стыдливого на белый, мертвенный.

– Вы... вы так говорите, как будто это... это как собаку завести!

– Немногим сложнее.

Завела же она Серегу. Выловила, выманила, подцепила на ножки стройные, глазки невинные, а потом и залетела. Серега ей предлагал миром дело решить, но Кирочке мало. Кирочке надо больше. Еще больше. Каждый месяц больше. Ненасытная девочка с синими глазами.

И дома этого ей будет мало.

– Вы... вы ужасный человек, – сказала Кирочка. – Забудьте, что я вас о чем-то просила. Я не хочу, чтобы мой сын общался с вами.

Она ушла, но дверью не хлопнула, закрыла аккуратно, словно боясь сломать. Дом еще долго скрипел, считая Кирины шаги. Олег лежал на продавленной грязной кровати, смотрел в распахнутое окно и думал, что едва не умер.

И еще, что сегодняшняя смерть была бы вполне реальным решением проблемы.

На душе было тошно, и мама вспомнилась.

Мама никогда не пошла бы проситься, чтобы отец поиграл с Олегом.

Пальцы сами нашли дырявую китайскую монету, которая, в отличие от всего остального, за прошедшие годы ничуть не переменялась.

Глава 8

Соврать нельзя признаться

Мария Петровна проснулась до рассвета. Прежде с ней не случалось подобного, потому как спала она обычно хорошо, крепко. Сейчас же разбудили голуби. Курлыкали громко, переливчато, совсем как те, которые собирались на чердаке свекровино дома. И чердак зарастал грязью, голубиным пометом и пером. Мария Петровна не единожды предлагала вычистить его, а птицу отравить, но всякий раз совет жильцов от предложения отказывался. Глупые люди жалели птиц.

За окном наливалось спелостью небо. Того и гляди, выкатится солнышко, начнет новый день.

Сделать надо многое.

Во-первых, переписать вещички. Девица-то шустрая, внимательная, за такой глаз да глаз нужен. Сопрет чего и потом не докажешь... и списочек ейный глянуть не мешало бы. А лучше и вовсе сделать два списочка: Олегу и Марии Петровне. Кирка еще... Кирка пусть нос свой наглющий в дела семейные не сует. Нечего ей! Тоже, приперлась и выродка своего приволокла. Наследница.

Настроение стремительно портилось.

И Сережка, вот на что разумный мужик был, сглупил, признав мальчика. Теперь поди докажи, что он – недостойный наследник. Дитё... нет, Мария Петровна против дитяти ничего не имеет сказать, но тут уж дело не в Лешке, а в матери егоной. Видела, видела Мария Петровна, как та глазищами стреляла сначала Ваське, а потом и Олежке. Поплывут. Мужики-то глупые твари, коленку покажи – слюной захлебнутся.

Мария Петровна села на кровати и, потянувшись, сделала себе заметочку – проветрить, прожарить на солнышке матрас да и одеяла-подушки на воздух вынести, а то протухли за год, завонялись.

И окна помыть. Вообще, если дом на продажу ставить, то надобно решать вопросец с уборкой и ремонтом. Допустим, уберется Мария Петровна сама, чай, не гордая. Дом большой, но потихонечку-полегонечку управится. Трещины Васька заделает – пусть и с него хоть какая польза будет. А вот с фонтаном и прочим – деньги нужны. Только где ж их взять-то?

Конечно, оно и без денег выйдет, если в цене хорошенько скинуть. Да только риелтерша – баба с виду хорошая, пробивная – сразу предупредила: за полную цену дом не продать. Репутация, дескать. И выходит, что в одном месте скинуть, в другом скинуть. Что останется? Мизер суший. А если мизер делить...

Нет, не бывать такому.

Мария Петровна зябко повела плечами и, обернув вокруг себя покрывало, – хорошее, шерстяное, только слегка подпревшее, – вышла из комнаты. Она заглянула было в ванную, но, ступив на плитку, отпрянула. Леденющая!

А тапки в чемодане небось. Томка-дурында. Не сказала мама вещи разобрать, Томка и не разобрала. Никакого своего разума. И Васька такой же, даром что зять.

Грустно.

Мария Петровна выглянула в коридор. В сей ранний час в нем было пусто, тихо. Щербатые стены гляделись печальными, напоминая о грядущих тратах. Зато вот окна хороши, разноцветненькие. И стоят небось прилично. А если их отдельно запродать? Найти доверенного человечка и продать. В доме же нормальные стеклопакеты поставить, можно даже немецкие. Мария Петровна слышала, что немецкие – очень хороши.

Шла она, босыми ногами щупая пол, который за прошедшее время остался гладким, плотным. Как вчера клали! Она наклонилась и, проведя по доске рукой, понюхала ладонь. Ладонь пахла деревом.

Пол же заскрипел. Далеко-далеко, но отчетливо. Как если бы ходил по нему кто-то. И ступал осторожно, крадучись, то и дело замирая. Приличный человек так ходить не станет. Только если вор!

Страшная догадка ошеломила Марию Петровну: Кирка! Она, больше некому. Шарится по дому, вещички прибирает. Сорока-воровка, тянет блестящее, прячет в чемоданине своей, а потом вывезет и продаст! Вот тварь!

Гнев застил глаза Марии Петровны. Решительным шагом двинулась она на звук. Слетело с телес покрывало и осталось лежать шерстяным комом. Не до него сейчас! Белой бязью развевалась широкая ночная рубашка, вздыбились волосы, и стала Мария Петровна походить на постаревшую Медузу. Вот только человек, который вышел навстречу, не окаменел.

Он улыбнулся, перекинул топор из левой руки в правую и ударил, вгоня лезвие в макушку. Хрустнуло. Брызнуло горячим. И Мария Петровна, рухнув на ступеньки, покатила вниз. Человек спустился за ней. Пульс он проверял быстро, но тщательно. Затем, закрыв веки, высвободил топор из раны и, ухватившись за щиколотки, поволок. Тело ползло тяжело, оставляя за собой дорожку серо-красных капель. Марию Петровну перевернули на спину, сложили руки на груди и аккуратно оправили ночную рубашку. Напоследок человек сунул в руки белое голубиное перо.

Он уходил в дом торопливым шагом. И слышалось, будто за его спиной оживают стены голубями. Птицы слетаются к женщине, облепляют ее, прижимаются гладкими телами, накрывают крыльями, прячут несчастную от любопытных глаз. Оборачиваться человек опасался: не следует привлекать излишнее внимание.

Саломее не спалось. Она то проваливалась в черную пуховую глубину, то выныривала в явь, чтобы на вдохе отметить время. Часы, висевшие в изголовье, отмеряли его со скуповатой тщательностью.

Когда часы показали шесть, дверь в комнату Саломеи открылась. Она помнила, что запирала эту самую дверь изнутри, но теперь выходило, что дом не послушал Саломею.

И рука тотчас нащупала рукоять старого револьвера.

Револьвер подарил папочка. Привез из Америки, реставрировал и две дюжины пуль отлил. А мама выкрасила их серебряной краской, просто для смеха.

Теперь Саломея сама красила пули, без всякого смеха, убеждая, что красит по привычке.

– Эй, проснись, пожалуйста, – шепотом сказали ей и осторожно коснулись носа. – Пожалуйста, проснись.

Она открыла глаза и увидела Олега. Правда, этот Олег сильно отличался от того, который нанимал Саломею. Тот был уверен, если не сказать, что самоуверен, нынешний – растерян и несчастен.

– Я ее не убивал, – сказал он шепотом. – Я ее не убивал!

– Кого? – шепотом же спросила Саломея.

Он показал руки. На ладонях – красные пятна. На левом запястье широкий неаккуратный порез.

– И топор мне подбросили.

– Кто?

– Не знаю. Но я ее не убивал. Она там, внизу. А ты обещала разобраться.

Саломея встала. Сунув револьвер в карман пижамных штанов, она велела:

– Показывай. И рассказывай.

– Я спал. А тут голуби. Они вчера хотели меня убить. Звали из окна, я высунулся поглядеть и чуть не упал. Кирка спасла. Я ей спасибо сказал, а потом обидел. Фигово вышло. Я ее не люблю. Я вообще не люблю баб, которые как пиявки.

– А она пиявка?

Говорили шепотом. Но Саломея отчетливо чувствовала: дом слышит. Он наблюдает за ними с болезненным вниманием, желая не то помочь, не то помешать.

– Точно. Присосалась к Сереге и деньги тянула.

Кира – крохотная блондиночка с незабудковыми глазами, в которых навеки застыло удивление. Кира обожала сынишку и подругу, которая этим обожанием не пользовалась, и вообще будто бы никого не замечала, но просто была.

– Но я хотел извиниться. Все-таки жизнью ей обязан и вообще... короче, я заснул. И проснулся, потому что порезался. Вот.

– Дай сюда, – Саломея прижала ошметок кожи и велела. – Держи его. Потом забинтуем. Он взялся трепетно, но зажал крепко.

Папа тоже постоянно ныл, когда случалось пораниться, требовал от мамы заботы и внимания. А она смеялась, называла ипохондрикком...

– Смотрю – топор. И в крови. Я сразу подумал, что это моя кровь. А потом вот... ну понял просто, что топор не без причины взялся.

– В руки – брали?

– Ну... да. Спросонья. Когда понять хотел.

И оставил отпечатки. Грустно. Есть еще шанс, что все на самом деле так, как он говорит.

– Она внизу...

Она лежала у фонтана. Лежала на спине в позе, весьма характерной. Глаза закрыты, на губах – улыбка. В переплетенных пальцах одинокой веткой перо торчит.

– Полицию вызывайте, – сказала Саломея, разглядывая дорожку ссохшихся капель.

– Они решат, что это – я! Я не убивал. Клянусь!

Только руки в крови, и топор с отпечатками в кровати. Сложно поверить в невиновность. Но вариантов нет, разве что тело в саду закопать. Но Саломея на такое не согласна.

– Вызывайте полицию, – повторила она.

Олег подчинился.

Глава 9

Давай поженимся!

Ночь Кирочка провела без сна. Все думала и думала, чем же так обидела Олега. Они ведь и встречались лишь единожды, когда Олег деньги привез. Он кинул конверт на стол, и Кирочка сама не поняла, почему расстроилась.

– Вот, – сказал он таким тоном, будто бы именно Кирочка виновата во всех бедах, начиная с гибели «Титаника».

– Спасибо.

– Расти большой, – он оперся на стол и наклонился, оказавшись вдруг чересчур близко, чтобы Кирочка чувствовала себя в безопасности. – Слу-у-шай... а ты что, до конца жизни собралась у Сереги на шее сидеть?

Конечно, Кирочка ни на чьей шее сидеть не собиралась. Она вообще и без денег обойтись бы могла, и хотела даже позвонить, отказаться. Но Галька велела не дуришь и добавила, что деньги эти не Кирочке – Алешке дают. И раз уж так, то пусть детеныш нормально живет.

– А... а что? – Кирочка опять растерялась. А растерянной, она говорила всякое, глупое тоже.

– Ничего. Интересно. Вот ты кем работаешь.

– П-продавщицей.

Вообще-то образование у Кирочки высшее экономическое, но с маленьким ребенком на старое место ее не взяли, только вот на рынок. А потом Галька и магазин нашла. В магазине лучше – не холодно зимой.

– Продавщицей... ну и угораздило же его.

Значит, его угораздило, а Кирочка виновата?! Так он думает? И видно было – именно так и думает, по глазам читалось, по улыбочке. Кира хотела кинуть деньги в эту наглую физию, но вдруг сказала:

– Алешенька растет. Денег надо больше. В полтора раза.

– А не лопнешь, деточка?

– Не лопну.

Как ни странно, но Сергей условие принял. Наверное, Кирочка могла бы и еще потребовать, только вот разве деньги заменят Алешеньке семью?

Особенно, когда Кирочки не станет.

Она хотела бы объяснить про себя и Сергея, про Алешку, про все-все, чтобы Олег не смотрел на нее с таким презрением, от которого хотелось в стену спрятаться. Но разве хватило бы у нее духу?

Об этом Кирочка и думала всю ночь. Бессонница и вытолкнула ее из комнаты, показав то, что Кирочка вовсе не желала видеть. Потом, уже в своей комнате, заперев дверь, прижав ее ручку стулом, Кирочка сползла на пол и вцепилась зубами в руку. Она старалась не плакать, как и тогда, когда мама из дому прогнала, но рыдания рвались, сжимали зубы, оставляя на коже красные следы.

Спокойно. Надо выдохнуть. Надо вдохнуть. Выдохнуть и вдохнуть.

Подумать о хорошем.

Не о топоре.

Не о руке, которая держит топор.

Не о белой перчатке, которая надета на руку, которая держит топор.

Не о влажных пятнышках на белой перчатке, которая надета на руку, которая держит топор.

Не о трещине в черепе, из которой взялись влажные пятнышки на белой перчатке, которая надета на руку, которая держит топор.

Кира разжала зубы и затерла след. Ее видели? Вряд ли. Она сама увидела все в зеркале, и если зеркало отражало убийство, то вряд ли одновременно оно отражало и Киру.

Надо подумать, надо очень хорошо надо всем подумать. И Кирочка думала до тех самых пор, пока ее не позвали вниз. Прежде чем спуститься, Кирочка тщательно умылась, заплела волосы в две косички, как делала всегда, когда хотела привязать удачу, и надела блузку с длинными рукавами.

– Ты красивая, – сказал Алешенька и вновь уткнулся в книжку.

– Спасибо. Милый, а ты ночью ничего не слышал?

– Слышал. Ты уходила. Об этом нельзя рассказывать?

– Кому?

Он книжку отложил и терпеливо сказал:

– Полицейским. Я видел, что они приехали. Если приехали полицейские, то случилось плохое. А если случилось плохое, то мне нельзя говорить, что ты выходила.

Все-таки Алешенька был очень умным мальчиком, и Кирочка не сумела сдержать улыбки. Поцеловав сына в макушку, она сказала:

– Наоборот. Говори смело. Полиции нельзя врать.

Хотя именно это Кирочка и собиралась сделать. Но у нее была правильная цель, а правде все равно не поверят. Вот Кирочка теперь сама себе не верила.

Собрались в столовой. Узкие окна и серый пол придавали комнате сходство с вокзалом, которое лишь усугублялось огромным количеством стульев и людьми, слишком разными, чтобы быть одной семьей. Они расселись и ждали чего-то, вряд ли Кирочку.

– Здравствуйте, – сказала она, бледнея от собственной смелости.

Кирочке не ответили. Только незнакомая женщина в синем джемпере, слишком маленьком для ее объемов, поинтересовалась:

– Имя. Фамилия. Отчество. Год рождения.

Женщина напомнила Кирочке мамину пишущую машинку: такая же огромная, деловитая и с блестящими хромовыми деталюшками. У машинки блестела каретка, у женщины – очки и массивная цепь.

– Кира Андреевна Алферова, – сказала Кирочка, глядя в выпуклые стекла. Глаза женщины за ними расплывались и стирались, как гуашь под каплей воды.

– Вас вызовут, – женщина отвернулась.

На спине джемпер натягивался до предела и почти терял цвет, сквозь него проступало розовое тело и жесткая перевязь лифчика. Клетчатая юбка-карандаш, напротив, была крепка и прочна. Она плотно обняла широкие бедра и провела от них линию до самых каблуков.

– Алешенька, – Кирочка кивнула Гальке, которая сидела у окна и с задумчивым видом грызла семечки. – Может, ты хочешь к тете Гале пойти?

– А ты хочешь?

– Да, милый. На несколько минуток.

Кире нужно поговорить с Олегом, пока еще не поздно. Олег сидит в углу, рядом с рыжей девушкой, про которую Кира знала лишь то, что девушка – чужая семья. Ну почти как Кира, только еще чужее.

– И-извините, – сказала Кира, передвигая стул. Она очень боялась, что Олег рявкнет или женщина-машинка велит отойти в другое место. Или случится еще что-либо, что нарушит Кирочкины планы. – Мне... мне очень надо с вами переговорить.

Взгляд у Олега был шалый, бессмысленный.

– Я ее не убивал, – ответил он шепотом. И дернулся, приблизившись к Кирочке. Его темное лицо блестело испариной, волосы торчали дыбом, а на подбородке пробилась щетина.

– Мне очень надо с тобой поговорить, – второй раз получилось произнести заготовленную фразу без заиканий. – И я знаю, что это не ты.

– Ну да...

– Вы... вы не могли бы? У-уйти. Н-на время.

Саломея поднялась и отошла, хотя она продолжала следить за Кирочкой.

– Я... мне не спалось. Я ходила по дому. И я... я видела, как... ну почти видела.

Его взгляд обретал осмысленность.

– Я знаю, что это – не вы.

– А кто?

Кирочка пожала плечами: все было слишком нелепо, чтобы в это поверить. Да и времени на объяснения почти не осталось. Она вдохнула поглубже, сжала кулачки – ногти впились в кожу, а боль придала злости – и выпалила:

– Я предлагаю сделку. Я даю вам алиби, а вы... вы на мне женитесь.

Безумие. Полнейшее безумие, но именно сейчас Кирочка поняла, что права: это – для Алешеньки. Он заслуживает нормальной жизни.

– Я – что? – повторил Олег, слишком громко повторил.

– Тише. Вы на мне женитесь. Ничего сложного.

– Точно, – он оскалился. – Ничего сложного. Я сейчас возьму и сдам тебя. Пусть полиция свой хлеб отработывают. А они умеют, поверь.

Кирочка пожала плечами: однажды магазин пытались ограбить. Человек в черном пуховике ввалился перед самым закрытием. Кирочка сразу поняла, что с ним не все ладно, но ничего не успела сделать. Человек достал пистолет и начал кричать. Он требовал денег, а руки его тряслись. И пистолет прыгал, выше, ниже, как в считалочке. Досчитает и выстрелит, но куда – не угадаешь. Кирочка тогда растерялась и оцепенела. Она стояла, глядела в мутные глаза грабителя и думала, что он, наверное, наркоман, и не понимает, где находится. Он вообще ничего не понимает, и перечить ему нельзя.

И двигаться нельзя.

Дернешься – точно выстрелит.

Ей удалось-таки нажать тревожную кнопку, и грабителя взяли. Уже когда он лежал на полу, воя и плача одновременно, Кирочка испугалась. Но не за себя – за Алешеньку. Если Кирочку убьют, то с кем он останется?

Или если она умрет?

И улыбнувшись, Кирочка сказала:

– Попробуй.

Она поднялась, почти не сомневаясь, что получит свое. И странная уверенность придавала сил.

– Стой, – Олег глянул снизу вверх. – Я... я согласен.

Глава 10

Далекие близкие люди

Тамару тошнило. Муть жила внутри и подкатывала к горлу кислым комом, упиралась в сцепленные зубы и отступала. Если Тамара зубы разожмет, то муть выплеснется желтым желудочным соком.

Васька станет волноваться. Он уже весь извелся, ходит вокруг, скрипит.

Раздражает.

Он и прежде порой раздражал, но сегодня – особенно.

От Васьки пахнет валерьянкой, корвалолом и еще чем-то, как будто он вывернул на себя содержимое аптечки. И выражение лица у него виноватое, расстроенное. Но ложь... Васька маму недолюбливал.

И сама Тамара... нет, конечно, она любила. Ведь родителей положено любить, даже если они кажутся непонятными. Мама у Тамары вызывала удивление. Она всегда слишком громко говорила, слишком ярко одевалась, слишком ярко отстаивала собственную правоту, отменяя и тени чужих сомнений.

Мама любила Татьяну, а вторую дочь считала неудачницей.

А теперь мама умерла.

Тамаре сообщили об этом утром. Васька сказал, уже пропахший лекарствами и виноватый, заискивающий, уговаривающий не волноваться. Тамара и не волновалась – ей вредно. Просто тошнило.

Их позвали первыми. И Васька подал руку, повел, а в дверях еще и обнял. С порога же заявил:

– Моя жена беременна. Ей нельзя волноваться.

Как будто кому-то есть дело до Томкиного положения или всего остального.

– Я в полном порядке, – сказала Тамара излишне сухо. Присев, она положила руки на стол и оперлась, подалась чуть вперед, нарушая границу между собой и человеком по ту сторону стола. – Вы уже знаете, кто убил мою маму?

Человек растерялся. Люди всегда теряются, когда реальность не соответствует ожиданиям. Он вот ждал слез, готовился успокаивать, воды вон налил в стакан, бумажных салфеток заготовил. А теперь отрететированные фразы застряли в горле.

– Я хочу знать, что вы сделали, чтобы поймать убийцу моей мамы? – Тамара спрашивала, глядя в глаза, и человек смутился.

– Здравствуйте, – сказал он, отодвигаясь от стола. – Сидиков Иван Петрович. Оперуполномоченный местного...

– Я про маму спросила, – перебила Тамара.

– Мы работаем.

– Томочка, не нервничай. Тебе вредно.

– Мне вредно быть в одном доме с убийцей.

Томочка сцепила пальцы в замок. Не переборщить бы. Но тошнота здорово мешала думать. Токсикоз начался? Не вовремя... вся эта история совершенно не вовремя. И Тамара не желала возвращаться в этот дом. Надо настоять на том, чтобы уехать. Мамы нет. Квартира в Тамарином распоряжении. Им с Васькой хватит квартиры...

Циничные мысли. Нельзя их показывать. Люди не любят циников, не доверяют. И выдохнув сквозь сцепленные зубы, Тамара сказала:

– Извините, пожалуйста. У меня... гормоны. Совершенно не отдаю себе отчета в том, что говорю.

– Вы, главное, не волнуйтесь! Не волнуйтесь, – Иван Петрович вытащил салфетку из пачки и вытер губы. – Расскажите, пожалуйста, как все было.

Обыкновенно было. Тамара спала. Ей снились голуби, которых кормила Татьяна. И голуби эти дрались за еду, а потом, когда есть стало нечего, стали клевать руки. Татьяна же смеялась.

У нее был на редкость мерзкий смех.

– Меня Вася разбудил. Сказал, что мама... что мама... мама умерла.

И Тамара все-таки заплакала. Она не хотела плакать – это было бы неправильно. Плачут слабые. Сильные скрывают слезы и льют их лишь тогда, когда оказываются наедине с собой.

– Мама умерла... – Тамара вдруг потеряла все слова, кроме этих, бессмысленных. И повторяла, повторяла их, пока губ не коснулся стеклянный край стакана.

– Пейте, пейте, – уговаривали ее. И Тамара пила холодную воду, которая не приносила успокоения, но осаживала тошноту.

– Я... я не хотела, чтобы мама сюда ехала. А она настояла. Понимаете, этот дом, он... он как бы наследство. Ну то есть по закону мы в права вступить уже были должны, но не вступили. А тут вот я... и ситуация изменилась... и мама сказала, что надо ехать, решать с домом. Она меня не слушала! Она никого не слушала!

Васька обнял. Руки у него теплые, надежные. В них дышится легче, и Томка дышит, выдавливая из себя слезы и страхи.

– То есть вы являетесь наследниками первой очереди? Я верно понял?

– Верно, – ответил Васька. – Мария Петровна. Томка вот. Олег. И еще Алешка. Ну, Кирик сын. Его Серега признал, значит, он законно имеет долю. Правильно я сказал?

Тамара кивнула.

– Мама с самого начала хотела дом продать, а деньги поделить. Это было бы справедливо. Каждому – его доля. Кира, конечно, не против была. А вот Олег уперся. Уговаривал подождать. Мама слушала, а потом... а потом...

– То есть Олег не хотел продавать дом?

– Не хотел. Это он маму убил?

– А с чего вы так подумали?

А человек этот не так уж и прост. Он носит клетчатый пиджак на три пуговицы и смешной лиловый галстук при желтой рубашке. Но наряд этот – оболочка. Все смотрят на рубашку, галстук и пуговицы, не замечая лица. Лицо у Ивана Петровича вытянутое, с тяжелым подбородком и покатым лбом. Узкий нос с горбинкой разделяет лицо пополам. И меткой на левой половине – родимое пятно, похожее на Австралию с детской контурной карты. Пятно это – та же ложь, а правда – в глазах. Жесткие. Умные. Колочие.

Видит Иван Петрович Тамарины фокусы. Поддается.

– Ну... ну кому еще? – Тамара всхлипнула. – Кому надо маму убивать? Она же... она же по-честному хотела. На всех поделиться.

– Три семьи и четыре доли. Две четверти – больше одной трети. Как вы полагаете, это могло бы стать мотивом?

Да. Нет. Не знаю. Выберите нужный вариант. Деньги – объективная реальность мира. А голуби – миф. Страшная сказка для взрослых...

– Или имеется другой вариант, – Иван Петрович вытянул руки, точно желал добраться до Тамары. – Год назад погибли ваша сестра и племянница. Сейчас – ваша мать. Орудие убийства в обоих случаях – топор. Остается вопрос: кому ваша семейка настолько поперек горла встала?

– Тише, Тома, тише... – шептал Васька, уткнувшись в волосы. Его дыхание щекотало, мешая сосредоточиться. – Он – идиот. Сам не понимает, что говорит.

Тамара сидела у окна. За окном лежал сад, разрезанный дорожками на асимметричные сегменты. Как куски мозаики, на которой лохматые деревья и неряшливый кустарник, забор, поле и кусок дороги. Она прячется под горизонтом, словно желает убедить, что за этим горизонтом ничего больше нет.

– Давай уедем отсюда? – Тамара вывернулась из объятий мужа.

Подойдя к окну, она толкнула створки. Раскрылись, впустили прогретый солнцем воздух и легкие цветочные ароматы.

– Мамы нет. Квартира моя. По закону. На нее-то больше не найдется претендентов. Будем жить.

Тамаре было страшно оглядываться, поэтому смотрела она вниз.

Дорожки. Скамейки. Постамент без статуи. Сергей хотел парк именно со статуями, чтобы как настоящий, исторический.

Зачем?

– Томочка, а дом?

– Мне не нужен дом.

Подоконник сухой и гладкий. На стекле пыль. Мама собиралась отмыть стекла и навести марафет. Смешная. Разве люди, которым принадлежит этот дом, убираются сами? Нет, они кого-нибудь зовут. Только у мамы теперь не было столько денег, чтобы позвать рабочих. Мама рассчитывала на Тамару. А Тамара вышла замуж за человека, у которого денег нет. Глупая, глупая девочка...

Васька сел на комод – антикварный? поддельный? – и сказал:

– Ты не о себе подумай.

А о ком? О нем? И не права ли мама была, когда говорила, что Васька – лимита. Откуда он? Из-под Владивостока. Край света, если разобраться. Место, где небо и земля сливаются, сшитые воедино морем. Море приносит холодные зимы и зябкие вёсны. Сырость, серость, нищету... Ваське лучше здесь, рядом с Тамарой. Она не против.

Но она не желает оставаться в доме.

– Теперь тебе принадлежит половина. Этот тип не прав. Вы уже вступили в права наследования, так?

Тамара кивнула, прикусив губу.

Любил ли он ее хоть когда-нибудь? Наверное, любил. Ложь недолговечна. А с Васькой они уже год вместе. И весь этот год было ли ей плохо? Не было.

– Значит, все поделено. А теперь мамина доля отойдет тебе. Как единственной наследнице. Понимаешь?

– А тебя только деньги интересуют, да? – Злость прорвалась, выплеснулась пузырем ядовитого болотного газа. Она преобразалась в слова, а слова летели и ранили. – С самого начала, да? И теперь... тебе же хорошо. Мамы нет. Никто нервы не треплет. Никто не стоит между тобой и...

Васька обнял, прижал к себе и держал крепко, не позволяя вырваться.

– Глупенькая моя, – прошептал он. – Ну что ты такое говоришь?

Правду! Иначе зачем он продолжает мучить Тамару?

– Ты просто расстроена. Я понимаю. Все понимаю, поверь. Но... пройдет год или два. И ты сама начнешь жалеть, что упустила этот шанс. И кого ты обвинишь?

– Разве я тебя обвиняла?

– Нет, конечно. Но... – Палец прочертил дорожку на Тамариной шее, тронул волосы, коснулся уха. – Но мой долг – заботится о тебе. И о ребенке. Посмотри...

Тамара смотрела. Она целую чертову вечность смотрела на этот сад. Но не увидела, когда в нем появилась Саломея. Рыжие волосы ее – маяк, зовущий солнце. И то откликнулось, плеснуло светом.

– Это – не дом. Это деньги. Дело для меня. Спокойная жизнь – для тебя. Наше будущее. И будущее ребенка. Хороший сад. Приличная школа. Университет, возможно, что иностранный. И всего-то надо – потерпеть...

Но Тамара не в состоянии терпеть! Ей противно и страшно, и еще ее тошнит.

– С тобой ничего не случится. Я обещаю. Ты же мне веришь?

– Конечно, – дрогнувшим голосом ответила Тамара.

Вдруг вспомнилось, что ночью она проснулась и лежала в кровати одна. Она отвыкла быть одна, но совершенно не испугалась, просто удивилась: куда бы Ваське уйти? Он ведь всегда рядом или почти всегда. Она лежала, глядела в потолок и ждала. Очень долго ждала, пребывая в сладкой спокойной полудреме. И когда входная дверь заскрипела, Тамара провалилась в сон.

– Вась, а куда ты выходил ночью? – Она не стала поворачиваться, потому что боялась увидеть его лицо.

– Я? Я не выходил, маленькая. Я все время был рядом.

– Но...

– Но тебе что-то приснилось. Ты очень беспокойно спишь. Может, стоит купить снотворного?

– Не надо... это гормоны. Пройдет.

Тамара улыбнулась. У нее хорошо получалось улыбаться, без фальши.

В распахнутое окно влетела паутинка, закружилась и села на картину с подсолнухами. Лучше бы на картине были ромашки. На ромашках Тамара гадала бы: врет или нет.

– Ты... ты иди, ладно? А я полежу немного. Голова кружится.

– Конечно. Хочешь, я тебе своего чая принесу?

Он сам собирал травы, сушил и смешивал. А смеси заваривал каким-то особым образом. В результате чай пах летом.

– Принеси. Пожалуйста.

Васька выходил из комнаты на цыпочках и дверь закрывал осторожно, придерживая за край. Знал, что петли скрипят? Или просто заботу выказывал?

Глава 11

Вольному – воля

Олега не забрали. Он все время ждал, что вот сейчас женщина с бульдожьим взглядом обернется и скажет:

– Руки!

Ему не останется ничего, кроме как эти руки протянуть под стальные браслеты. Невинно-вен? Кто в это поверит? Кто вообще ему верит? Саломея? Кира? О, Кира – отдельная песня. Сахарная блондинка с упрямым подбородком, актриса магазинных подмостков.

Ловко ухватила ситуацию. И не боится. Вправду видела что-то? Или соврала, как врала всегда? Взять бы ее за горлышко да встряхнуть хорошенько. Но нельзя... Кира – алиби. Глупое, но какое уж есть.

Жених и невеста... тили-тили тесто. Тесто замешано, крутое, вопрос – какие пироги получатся. Но не о них думать надо.

– То есть вы всю ночь провели с гражданкой... – Иван Петрович поднял блокнот и сощурился, словно пытаясь прочесть написанное им же.

– С Кирочкой, – подсказал Олег, подавляя смешок.

Кира-Кирочка. Дурочка, которая полезла в озеро луну ловить. Ближе луна, сама в руки просится. Вот только как знать, что за твари под золотым пятном сидят?

– С Кирочкой... – задумчиво протянул Иван Петрович и лист поскреб.

– Мы разговаривали. Сначала. А потом – сами понимаете.

Олег откинулся на стуле. Его душил смех, неуместный, но навязчивый, истерический.

– Ну а дальше она ушла. Ну я так думаю. Я заснул почти сразу. А проснулся уже с топором.

– С топором... и топора прежде не видели?

– Не видел. И понятия не имел. Даже порезался. Вот! – Олег продемонстрировал рану, уже спрятанную под слоем бинтов. – Конечно, вы думаете, что я ее убил. Мы не ладили – это правда. Она считала меня самозванцем.

– А вы?

– А я ее – хищницей. Ну не только ее.

Вспоминать больно, и смех уходит сам.

– Мне не нравилась Татьяна. Она была... ну классическая охотница, если понимаете, о чем я. Она не любила Сергея. Наверное, это уже неважно.

Татьяна мертва, и Сергей мертв. И Мария Петровна. Как будто кто-то спешит стереть семью, дерзнувшую оживить старый дом. Дома тоже хотят покоя.

– Вы говорите, говорите, я уже решу, чего важно.

– Да нечего говорить.

– Разве? – Ноготь продолжал драть блокнот, Иван Петрович всецело сосредоточился на этом занятии и, казалось, не замечал ничего вокруг. – Так уж и нечего? Я вот слышал, что братец ваш преставился намеренно. Соболезную.

Сказано равнодушно, и тон этот – что игла под ногти.

– И знаете, что странно? А то, что умер он аккурат в ваш визит. Совпадение?

– Хотите сказать, что я его убил?! – Олег сжал кулаки, сдерживаясь, чтобы не ударить.

– Помилуйте? Разве я говорил такое? Нет, что вы... обращаю внимание на эту странность. Брат ваш помер. И жена его. И теща... следующий-то кто? Из кровных родственничков вы да Тамара.

И Леха, тихий беловолосый мальчонка, который не растает с книгой.

– Уехали бы вы отсюда, а? – предложил Иван Петрович тоном доброго дядюшки. – Только недалече. Чтоб найти мог. А то же дело неясное... вот вы, говорите, что Татьяна Булгина брата вашего не любила. На чем, позвольте узнать, вывод сделан?

– На наблюдениях.

Случайно пойманные взгляды. Отражения лица на зеркальных плоскостях. Слова. Фразы. Жесты. Притворная любезность, которой хватало ненадолго. Стоило Сергею отвернуться, как взгляд Татьяны леденел.

– Зачем ты здесь торчишь все время? – как-то, разморенная жарой и виски, спросила она. – Ты что, не понимаешь? Ты мешаешь нам!

Она ведь и красавицей не была. Шея коротковата, а руки длинные, ленивы. Каждое их движение – почти подвиг. Иногда Олегу чудилось, что эти руки слишком много весят, потому Татьяна и не справляется с ними. Тогда же он ответил вопросом:

– Кому «нам»?

– Мне. Мне ты мешаешь! Трешься тут! Вынюхиваешь что-то.

– А тебе есть что прятать?

Она зевнула и потянулась, нарочито медленно, картинно:

– Скажи, Олежка, за что ты меня не любишь?

– А за что ты не любишь меня?

– Не знаю. Наверное... наверное, вот такая взаимность. Слу-ушай, Олежка, а давай мы тебя с Тамаркой оженим? Вы – хорошая пара. Честное слово – хорошая! Оба тихушники, себе на уме. Сойдетесь. И мы одной семьей станем? Или Томка не так хороша, как я? А, Олежка? Я тебя нравлюсь?

– Нет.

Татьяна лишь рассмеялась. С ее самомнением не уживалась мысль, что она нравится далеко не всем. Только в пересказе это выглядит обвинением того, кто не в состоянии на обвинение ответить. И Олег сминая рассказ.

– В тот день мы с Сергеем поругались. Я был не прав. Он любил Таньку. И уже устал ей доказывать, что любит. А мне и вовсе доказывать не собирался. Я ему сказал, что он слепой. И если хочет от правды отворачиваться – дело его. Он обозвал меня самоуверенным идиотом... последний разговор, понимаете? А спустя неделю мне звонят и говорят, что Серега убил жену.

– Препечальное известие, – соглашается Иван Петрович, убирая треклятый блокнот под стол. – А скажите-ка мне, любезный друг мой Олег, с чего вдруг вы именно сейчас здесь объявились? Еще одно совпадение?

– Скорее дело.

Первый звонок раздался в шесть утра. Олег не спал. После того, что случилось с Сергеем, он вообще засыпал плохо, а просыпался рано. И лежал, гадая, когда же его черед. Иными днями случалось, что никогда. Аргументы генетических линий действовали лучше успокоительного. Но случалось логике отказывать, и тогда Олег принимался выискивать в себе то самое, что толкнуло брата к убийству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.